

именно такого инструмента—шила, швайки—которымъ было совершено убійство. Такіе инструменты тамъ и находились. Часть ихъ даже попала въ число вещественныхъ доказательствъ. Послѣ ареста Бейлиса семья его безъ всякаго видимаго основанія въ эту постройку переѣхала, а вслѣдъ затѣмъ постройка сгорѣла при столь странной обстановкѣ, что у собѣжавшихся на пожаръ рабочихъ создавалась увѣренность въ наличности поджога. Пожаръ произошелъ за три дня до того, какъ Судебный Слѣдователь долженъ былъ произвести на мѣстѣ подробный, тщательный осмотръ. Вопросъ о томъ, кто же, за тотъ періодъ времени, когда произошло убійство, жилъ въ этой постройкѣ—вызвалъ рядъ необъяснимыхъ противорѣчій среди свидѣтелей-евреевъ, которые показывали сначала одно, потомъ другое. Мѣсто, гдѣ стояла постройка, настолько глухое, безлюдное и овражистое, что болѣе подходящее въ этомъ отношеніи для убійства найти трудно.

Таковы совпаденія, которыя все неразрывнѣе связываютъ Зайцевскій заводъ съ убійствомъ Ющинскаго.

Область этихъ совпаденій еще далеко не исчерпана.

ХІ.

Шнеерсонъ.

Въ домѣ на Верхне-Юрковской улицѣ, гдѣ жилъ Бейлисъ, кромѣ тѣхъ обитателей, о которыхъ уже было сказано въ предшествующей главѣ, обитателей, которые всѣ до единого имѣли тѣсное отношеніе къ кирпичному производству, къ заводу—жилъ еще одинъ человекъ, никакого отношенія ни къ заводу, ни къ кирпичному дѣлу не имѣвшій. Это—мѣщанинъ мѣстечка Любавичи, Оршанскаго уѣзда, Могилевской губерніи, Файвель Бунимовъ Шнеерсонъ.

Однако, изъ осмотра домовыхъ книгъ Зайцевской усадьбы выяснилось, что по дому на Верхне-Юрковской улицѣ Шнеерсонъ не прописанъ вовсе, а по другому дому, тоже входящему въ составъ усадьбы, но расположенному на противоположномъ ей концѣ, на Кирилловской улицѣ, Шнеерсонъ прописанъ, какъ прибывшій 12 марта 1911 года (день убійства Андрюши Ющинскаго) «изъ В.-Юрковской ул.» и выбывшій 6 апрѣля 1911 г. «на родину».

Допрошенный слѣдователемъ, Шнеерсонъ показалъ, что до отбыванія воинской повинности жилъ въ мѣстечкѣ Носовкѣ, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ его отецъ былъ общественнымъ рѣзникомъ. Отбывая воинскую повинность былъ, во время Русско-Японской войны, во Владивостокской крѣпости. Съ 1907 года водворился въ Кіевѣ, гдѣ открылъ сѣнную торговлю въ домѣ Добжанскаго на Татарской улицѣ (т. е. въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Бейлиса—Татарская улица упирается въ Верхне-Юрковскую какъ разъ противъ дома, гдѣ жилъ Бейлисъ). Прописался по дому Добжанскаго, а «въ дѣйствительности квартировалъ и столовался у Менделя Бейлиса, но по его квартирѣ не прописывался». Въ мартѣ 1911 года полиція потребовала отъ него, Шнеерсона, чтобы онъ, какъ неимѣющій права жительства въ Кіевѣ, выѣхалъ изъ Лукьяновскаго участка (въ районъ котораго входятъ Татарская и Верхне-Юрковская улицы и гдѣ евреи, не обладающіе правомъ повсемѣстнаго жительства, не должны находиться). Тогда онъ, Шнеерсонъ, прописался по Кирилловской улицѣ, какъ входящей въ Плоскій участокъ (гдѣ евреи, не обладающіе правомъ повсемѣстнаго жительства, могутъ проживать). Далѣе, въ апрѣлѣ 1911 г. прописался на Слободкѣ (гдѣ, такъ же, какъ и въ Плоскомъ участкѣ, имѣлъ право жить), а затѣмъ, мѣсяцевъ черезъ пять, снова прописался по Татарской улицѣ, уже не какъ торговецъ, а какъ ремесленникъ—переплетчикъ (евреи-ремесленники имѣютъ право повсемѣстнаго жительства). Фактически, все это время продолжалъ вести прежнюю торговлю сѣномъ въ домѣ Добжанскаго. О томъ, что среди евреевъ существуютъ хасиды и миснагиды, совершенно не знаетъ. Про книжку Шулханъ-Арухъ даже не слыхалъ, хотя по древне-еврейски можетъ читать. Ющинскаго не зналъ вовсе и на трупъ его къ пещерѣ смотрѣть не ходилъ.

На судѣ Шнеерсонъ, въ общемъ, подтвердилъ это показаніе, но заявилъ, что у Бейлиса онъ не жилъ, а только столовался. На вопросъ, не говорилъ ли онъ слѣдователю иного, свидѣтель отвѣтилъ: «Можетъ быть и говорилъ. Не помню. слѣдователь давно допрашивалъ». Когда, затѣмъ, Шнеерсона спросили, не приходилось ли ему, по крайней мѣрѣ, ночевать у Бейлиса, онъ сказалъ: «Можетъ быть, иногда и приходилось ночевать». Спрошенный о судьбѣ своей сѣнной торговли, Шнеерсонъ пояснилъ, что больше сѣномъ не торгуетъ.

— Чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Ничѣмъ.

По поводу своего отца свидѣтель заявилъ, что тотъ у него въ Кіевѣ не бывалъ.

Мыслимо ли допустить, чтобы еврей, читающій по древне-еврейски, ничего не зналъ о хасидахъ, миснагидахъ и даже не слыхалъ о Шулханъ-Арухѣ, выяснится дальше, когда рѣчь пойдетъ о ритуалѣ, здѣсь же отмѣтимъ прежде всего, что Людмила Чеберякова, описывая Судебному Слѣдователю, какъ жиды схватили Андриюшу на мялѣ, показала, что дѣти, катаясь, увидѣли, какъ бѣжить къ нимъ «Мендель Бейлисъ и тотъ еврей, который торговалъ тогда сѣномъ на Татаркѣ, а жилъ у Менделя. За Менделемъ и торговавшимъ сѣномъ медленно бѣжалъ старикъ еврей, котораго я раньше никогда не видѣла».

На судѣ дѣвочка заявила, что не можетъ теперь припомнить, кто именно изъ евреевъ бѣжалъ тогда съ Бейлисомъ.

Подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ суду, что свѣдѣнія о Файвелѣ Шнеерсонѣ собиралъ и въ Носовкѣ, гдѣ выяснилъ, что отецъ Файвеля, бывшій тамъ общественнымъ рѣзникомъ, уѣзжалъ въ Кіевъ въ концѣ февраля 1911 года, но когда именно онъ пріѣхалъ въ Кіевъ и когда уѣхалъ изъ Кіева, не было возможности установить, ибо онъ жилъ безъ прописки.

Бабушка Андриюши Ющинскаго, Олимпіада Нѣжинская, показала, что какъ она, такъ и Андриюша, пока жили на Лукьяновкѣ, часто приходили въ лавку Шнеерсона за сѣномъ. Послѣ Андриюшиной смерти свидѣтельница со Слободки снова переехала на Лукьяновку и опять пришла къ Шнеерсону купить сѣна. Тамъ въ лавкѣ застала еврея, который, читая газету, о чемъ-то оживленно говорилъ со Шнеерсономъ. Увидя Олимпіаду Нѣжинскую, Шнеерсонъ сказалъ тому еврею какую-то фразу, въ которой свидѣтельница могла разобрать только слово «бабка», и еврей, подозрительно взглянувъ на нее, сразу прекратилъ разговоръ.

Спрошенный по этому поводу Шнеерсонъ началъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицать рассказанное Олимпіадою Нѣжинскою, заявляя, что ничего подобнаго не происходило. «Въ той мѣстности мало евреевъ—утверждалъ онъ—даже совсѣмъ ихъ не было. Былъ Бейлисъ, я, а потомъ еще одинъ слесарь—тотъ даже неграмотный... Тогда ей (Нѣжинской) совсѣмъ не нужно было сѣна».

Я спросилъ на это Шнеерсона, откуда же ему извѣстно, что Нѣжинской тогда не нужно было сѣна, разъ онъ все время твердитъ, что ни Андрюши, ни его родственниковъ не зналъ?

Шнеерсонъ далъ отвѣтъ, ни въ малой мѣрѣ не объяснившій того противорѣчія, на которое я ему указалъ. Онъ заявилъ дословно такъ: «Разъ она не приходила въ лавку, то ей не нужно сѣна».

При дальнѣйшемъ допросѣ свидѣтеля по другимъ обстоятельствамъ, онъ самъ показалъ, что къ нему въ лавку приходили разные евреи — и старые и молодые — по торговому дѣлу: предлагали овесъ.

Когда Шнеерсону указали, что раньше онъ говорилъ иное, ссылаясь, въ опроверженіе показанія Нѣжинской, на чуть ли не полное отсутствіе евреевъ въ той мѣстности, Шнеерсонъ возразилъ, что евреи, которыхъ онъ теперь имѣетъ въ виду, только приносили пробу овса и называли цѣну — ни о чемъ другомъ разговора съ ними не было и газеты они не читали.

То обстоятельство, что Файвель Шнеерсонъ, отрекавшійся на судѣ отъ своего знакомства съ Ющинскимъ, въ дѣйствительности зналъ мальчика и даже очень хорошо зналъ — нашло себѣ подтвержденіе въ показаніи студента Позднякова. Онъ удостовѣрилъ, что, разспрашивая мальчиковъ, товарищей Андрюши, и на Лукьяновкѣ, и на Слободкѣ, узналъ отъ нихъ, что Андрюшу иногда дразнили его внѣбрачнымъ происхожденіемъ, называли «байструкомъ». Андрюша обижался и, какъ бы въ оправданіе, говорилъ, что вотъ Шнеерсонъ, дядя Файвель, обѣщалъ ему найти отца.

Не лишнее припомнить, что отецъ Андрюши, Чирковъ, ушелъ солдатомъ на Дальній Востокъ и оттуда не вернулся, а Файвель Шнеерсонъ былъ въ то самое время тоже солдатомъ на Дальнемъ Востокѣ.

Кромѣ студента Позднякова, и другой членъ общества «Двуглавый Орелъ», Владиміръ Галкинъ, удостовѣрилъ суду, что, занявшись на Слободкѣ разспросами, онъ узналъ про Андрюшинаго товарища, мальчика Калиновскаго, который, со словъ Андрюши, передавалъ, что солдатъ Павелъ, познакомясь съ Андрюшей, сулилъ Андрюшѣ показать его отца.

Сыщикъ Полищукъ показалъ, что Андрюша раньше бывалъ у Бейлиса нѣсколько разъ, зналъ Файвеля Шнеерсона — солдата Павла — и говорилъ съ нимъ о своемъ отцѣ — это Полищукъ

установилъ разказами дѣтей на Лукьяновкѣ. Далѣе, когда Приходьки переѣхали на Слободку, то оказалось, что недалеко отъ нихъ живетъ нѣкій Мовша Арендарь, сынъ котораго, Гершка, сверстникъ Андрюши, вошелъ въ его дружбу и довѣріе. Шнеерсонъ бывалъ на Слободкѣ и знакомъ съ Арендаремъ. Въ компаніи Гершки Арендаря и Калиновскаго Андрюша говорилъ: «Вотъ этотъ дядя Павелъ покажетъ мнѣ моего отца». Такія свѣдѣнія дѣти на Слободкѣ сообщали сначала охотно, но потомъ начали отмалчиваться и отрекаться отъ своихъ прежнихъ словъ. У Арендаря бывалъ старикъ-еврей Тартаковскій, который очень полюбилъ Андрюшу, привязался къ нему. Когда Андрюша погибъ, Тартаковскій началъ обнаруживать признаки ненормальности и вскорѣ внезапно умеръ. По этому поводу Полищукъ разспрашивалъ Арендаря, и Арендарь сказалъ, что Тартаковскій, про котораго говорятъ, будто его задушили, въ дѣйствительности, у него, Арендаря, въ гостяхъ задавился костью во время ѣды.

Свидѣтель Мовша Арендарь, признавая дружбу своего сына Гершки съ Андрюшей, а также и внезапную смерть Тартаковскаго у него, Арендаря, на квартирѣ—знакомство свое съ Шнеерсономъ отрицалъ. Мальчикъ Калиновскій показалъ, что Андрюша про своего отца ему ничего не говорилъ. Шнеерсона, или солдата Павла онъ не знаетъ.

Въ предшествующемъ изложеніи было упомянуто, что Андрюша очень любилъ возиться съ порохомъ: устраивалъ взрывы, смастерилъ самодѣльное ружье, изъ котораго стрѣлялъ. Повидимому, на почвѣ этихъ забавъ произошло сближеніе его съ Женей Чеберяковымъ. Откуда мальчикамъ удавалось достать порохъ—они держали въ секретѣ и на слѣдствіи это осталось невыясненнымъ. Къ пятницѣ, 11 марта 1911 г., наканунѣ убійства, у Андрюши порохъ весь вышелъ и, по удостовѣренію Олимпиады Нѣжинской, внукъ говорилъ ей, что пойдетъ за порохомъ. Желая поугатъ мальчика, чтобы онъ не стрѣлялъ, Нѣжинская сказала ему: «Какъ же ты будешь доставать порохъ? Что же, ты въ лавкѣ купишь? Вѣдь тебя арестуютъ?!» На это Андрюша сказалъ, что не въ лавкѣ: найдутся добрые люди, которые дадутъ ему пороха.—«Какіе это добрые люди—я не знаю»,—поясняла на судѣ старуха.

Говорилъ Андрюша бабушкѣ и то, что порохъ, который онъ достаетъ въ Слободкѣ, хуже пороха, который онъ достаетъ въ Кіевѣ.

Александра Ющинская прямо заявила, что Андрюша, передъ тѣмъ днемъ, какъ пропалъ, говорилъ ей: «У меня нѣтъ больше пороха; я завтра пойду и достану порохъ».

Такъ какъ Андрюша собирался за порохомъ, имѣя въ карманѣ не больше пяточка, то, очевидно, не въ деньгахъ была тутъ сила. Кто же эти необнаруженные слѣдствіемъ «добрые люди», видимо, привлекшіе къ себѣ расположеніе, довѣріе мальчика, шедшіе навстрѣчу даже его забавамъ, снабжавшіе его порохомъ и въ Кіевѣ, и на Слободкѣ, причемъ, повидимому, въ Кіевѣ получалъ отъ нихъ порохъ не только Андрюша Ющинскій, но и Женья Чеберяковъ? Невозможно себѣ представить, чтобы эти «добрые люди» не узнали объ убійствѣ Андрюши, о томъ, что ищутъ, вызываютъ всѣхъ, у кого только онъ бывалъ, всѣхъ, кто его знаетъ. Дѣло получило широчайшую, мировую огласку. Однако «добрые люди» не откликнулись—вѣроятно, имѣли на то свои основанія.

Возвращаясь къ Зайцевскому заводу и къ Шнеерсону, надлежитъ отмѣтить еще одно обстоятельство изъ показаній Полищука. Бейлисъ былъ арестованъ въ послѣднихъ числахъ іюля 1911 г. въ административномъ порядкѣ и одновременно въ помещеніи его былъ произведенъ Начальникомъ Кіевского Охраннаго Отдѣленія обыскъ. Затѣмъ содержащійся подъ стражею Бейлисъ 3 августа былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго Судебнымъ Слѣдователемъ Фененкою и продолжалъ оставаться въ тюрьмѣ уже согласно слѣдовательскому постановленію. По удостовѣренію Полищука, недѣли двѣ-три спустя послѣ перваго обыска, на которомъ онъ не присутствовалъ, Красовскій, уже вмѣстѣ съ нимъ и Выграновымъ, произвелъ второй обыскъ. «Найдена была—показалъ свидѣтель—разная переписка на русскомъ и еврейскомъ языкахъ, разныя замѣтки; взяты книги. Обыскъ вызвалъ большое безпокойство среди евреевъ... Чернобыльскій забѣгалъ, Шнеерсонъ также». Среди книгъ, согласно дальнѣйшему показанію Полищука, была найдена старинная еврейская книга въ комодѣ у Чернобыльскаго—а Мошка Чернобыльскій, помощникъ Бейлиса по отпуску кирпича, жилъ, какъ упомянуто выше, въ одной съ нимъ квартирѣ. Шнеерсонъ говорилъ тогда, что это молитвенникъ палестинскихъ каббалистовъ, или просто каббалистовъ. Полищукъ обратилъ вниманіе, что на книжкѣ былъ написанъ рядъ фамилій, въ числѣ ихъ

Шнеерсонъ, Чернобыльскій, Арендарь и братъ Менделя Бейлиса—Ааронъ Бейлисъ.

Въ дальнѣйшемъ, на вопросы сторонъ, свидѣтель отвѣчалъ, что протокола обыска составлено не было. Почему?—не знаетъ. Взятые по обыску доставили на квартиру Красовскому, а *когда* препроводили Слѣдователю—тоже не знаетъ. Помнить, что Слѣдователь сомнѣвался, все ли ему доставлено, такъ какъ доставлялось изъ гостинницы отъ Красовскаго посторонними людьми.

Допрошенный по этому поводу Красовскій заявилъ, что, не принимая непосредственнаго участія въ первомъ обыскѣ, произведенномъ чинами охраннаго отдѣленія, онъ затѣмъ «неоднократно осматривалъ домъ, гдѣ жилъ Бейлисъ, а также и остальные (заводскія) постройки». Описывая далѣе квартиру Бейлиса, свидѣтель показалъ, что одна маленькая комната была заперта на замокъ. «Я спросилъ, кто здѣсь живетъ—продолжалъ Красовскій—мнѣ точно этого не опредѣлили, и я потребовалъ, чтобы замокъ былъ отпертъ. Я увидѣлъ, что тамъ была кровать, на столѣ лежало нѣсколько книгъ на еврейскомъ языкѣ. Просматривая эти книги, я увидѣлъ подпись: Чернобыльскій. Я спросилъ, что значитъ *Чернобыльскій*. Оказалось, Чернобыльскій не располагалъ правомъ жительства. Вотъ результаты моего осмотра».

Опять прежнее! Самый фактъ не отрицается, но ему придается совершенно иное значеніе, не имѣющее къ дѣлу никакого отношенія: да, была книга, остановившая вниманіе подписью на ней, но лишь ради того, чтобы обнаружить проживание Чернобыльскаго тамъ, гдѣ онъ жить не имѣлъ права. Неужели, однако, Красовскій, приступая къ обыску въ квартирѣ Бейлиса, не собралъ раньше свѣдѣній о томъ, кто именно въ обыскиваемой квартирѣ проживаетъ? Вѣдь это азбука розыскаго дѣла. Неужели присутствіе Чернобыльскаго, нисколько не скрывавшагося, продолжавшаго отпускать на заводѣ кирпичъ, было Красовскимъ впервые обнаружено лишь въ августѣ 1911 года благодаря надписи на книгѣ!?

Послѣдующимъ вопросомъ прокурора Красовскій, однако, былъ возвращенъ къ сути вещей.

Прокуроръ. Значитъ, книга была найдена въ одинъ изъ осмотровъ квартиры Бейлиса?

Красовскій. Виновать, я теперь вспомнилъ, что взялъ съ собою одну, двѣ, три—не могу вспомнить сколько—книгъ, взялъ

нѣсколько писемъ, и всѣ эти книги, письма принесъ слѣдователю Фененкѣ, показалъ ему, что вотъ при обыскѣ въ квартирѣ Бейлиса я взялъ эти книги. Не помню, къ какому опредѣленному заключенію тогда пришли, но, во всякомъ случаѣ, оказалось, что книги эти не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу. Въ различныхъ помѣщеніяхъ, при обыскахъ, я часто бралъ различные предметы, приносилъ и показывалъ судебному слѣдователю».

Если это показаніе Красовскаго вѣрно, то остается лишь изумляться, какъ слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ Фененко допускалъ подобные порядки, явно противозаконные. Прежде всего, какъ уже упомянуто, разъ началось предварительное слѣдствіе, то полиція не имѣетъ ни малѣйшаго права производить дальнѣйшіе обыски—на это есть слѣдователь. Затѣмъ, Уставъ Уголовнаго Судопроизводства точно и подробно указываетъ, какъ при обыскахъ производится выемка тѣхъ предметовъ, которые считаетъ нужнымъ взять лицо, производящее обыскъ. Цѣлый рядъ строгихъ формальностей тутъ направленъ къ обезпеченію вѣрности свѣдѣній, гдѣ, когда, при какихъ обстоятельствахъ взять каждый предметъ, подвергнутый выемкѣ (ст. 357—374 Уст. Угол. Судопр.). Совершенно недопустимо, немислимо, чтобы чинъ полиціи являлся время отъ времени то въ одно, то въ другое помѣщеніе, бралъ бы тамъ то одну, то другую вещь и приносилъ бы къ слѣдователю: «не пригодится ли, молъ, вамъ, какъ улика, а если не понадобится, то я обратно отнесу».

Обращаясь къ актамъ предварительнаго слѣдствія по дѣлу Ющинскаго, мы находимъ тамъ составленный судебнымъ слѣдователемъ Фененкою отъ 17 декабря 1911 г. протоколъ осмотра различныхъ документовъ, книгъ и писемъ, «взятыхъ при обыскѣ въ квартирѣ Менделя Бейлиса», при чемъ, согласно постановленію судебного слѣдователя, всѣ документы эти, книги и письма, какъ «неимѣющіе для настоящаго дѣла никакого значенія», возвращены Менделю Бейлису.

Однако протоколъ этотъ нисколько не разрѣшаетъ возникшихъ недоразумѣній. Включена въ него та книга, о которой показалъ Полищукъ, или нѣтъ? Въ протоколѣ, правда, перечислено нѣсколько еврейскихъ книгъ духовнаго содержанія,—но это еще ничего не доказываетъ, заголовокъ же протокола даетъ полное основаніе на поставленный нами вопросъ отвѣтить отри-

цательно: нѣтъ. Той книги, о которой говоритъ Полищукъ, протоколъ осмотра отъ 17 декабря 1911 г. не коснулся, ибо въ заголовкѣ его значится: «осмотръ документовъ въ пяти тюкахъ, опечатанныхъ печатью пристава Лукьяновскаго полицейскаго участка, взятыхъ при обыскѣ въ квартирѣ Менделя Бейлиса и *присланныхъ начальникомъ Кіевскаго Охраннаго Отдѣленія 25 октября сего года*». Отсюда явствуется, что пять тюковъ содержатъ взятое только при *первомъ* обыскѣ, при томъ обыскѣ, который былъ произведенъ не Красовскимъ, а Охраннымъ Отдѣленіемъ, въ концѣ іюля 1911 г., еще до привлеченія Бейлиса въ качествѣ обвиняемаго. Разъ посылка значилась отъ Начальника Охраннаго Отдѣленія, то взятое по этому обыску было, надо полагать, прислано слѣдователю 25 октября (черезъ *три мѣсяца* послѣ обыска!)—а когда поступило къ нему взятое Красовскимъ и поступило ли вообще—этотъ вопросъ сводится всецѣло къ тому, насколько вообще заслуживаютъ довѣрія показанія Красовскаго—по сему предмету въ предшествующемъ изложеніи собранъ обильный матеріаль.

Съ другой стороны, едва ли можно отрицать, что, если въ книгу, найденную въ квартирѣ Бейлиса, былъ вписанъ рядъ фамилій въ такомъ сочетаніи, какъ Чернобыльскій, Шнеерсонъ, Арендаръ, Ааронъ Бейлисъ, то уже одно это обстоятельство, независимо отъ содержанія книги, дѣлало ее вещественнымъ доказательствомъ большой важности.

Однако, такого вещественнаго доказательства въ нашемъ распоряженіи на судѣ не было.

Относительно брата Менделя Бейлиса, Аарона Бейлиса, подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ, что тотъ проживалъ въ Кіевѣ, но гдѣ именно—свидѣтель не могъ узнать, ибо Ааронъ Бейлисъ жилъ безъ прописки.

Что касается Шнеерсона, то представляется своевременнымъ свести во едино о немъ изложенное. Ко времени суда, Шнеерсонъ оказывается человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій. Онъ, по его собственному объясненію, «ничѣмъ» не занимается. Пренная торговля сѣномъ почему то оставлена. Въ тотъ періодъ, когда былъ убитъ Андрюша, Шнеерсонъ не прописывался тамъ, гдѣ жилъ, а гдѣ не жилъ, тамъ прописывался. Объясненія его, совершенно, впрочемъ, голословныя, что произошло это вслѣдствіе вопроса о правѣ жительства и полицейскихъ придирокъ, не даетъ, во всякомъ случаѣ, отвѣта, почему сіи полицейскія

придирки, которыхъ не было нѣсколько лѣтъ, начались какъ разъ ко дню убійства Ющинскаго, ибо день прописки Шнеерсона въ помещеніи Зайцевскаго завода, выходящемъ на Кирилловскую улицу,—12 марта 1911 г.,—совпадаетъ съ днемъ убійства. Признавая вначалѣ свое проживаніе у Бейлиса, Шнеерсонъ затѣмъ, на судѣ, старался таковое отрицать, а отъ знакомства съ Ющинскимъ отрекался самымъ рѣшительнымъ образомъ, точно такъ же, какъ и отъ знакомства съ Арендаремъ, въ чемъ подтверждалъ его и самъ Арендарь. Однако, трое свидѣтелей—Поздняковъ, Галкинъ и Полищукъ, со словъ товарищей Андрюши, удостовѣрили иное: Андрюша не только зналъ Файвеля Шнеерсона, или «дядю Павла», или «солдата Павла», но даже надѣялся, что тотъ покажетъ ему отца. Допустить, что такой, напимѣръ, свидѣтель, какъ студентъ Поздняковъ, станетъ на судѣ измышлять, выдумывать—для меня представляется невысказаннымъ; впрочемъ, и защита такихъ предположеній не дѣлала. Но, можетъ быть, выдумали мальчики, товарищи Ющинскаго? Однако, неужели они, выдумывая, могли знать, что отецъ Андрюши ушелъ солдатомъ на Дальній Востокъ? А если мальчики этого не знали, то остается изумляться, насколько ихъ выдумка подошла къ дѣйствительной обстановкѣ, изумляться тѣмъ болѣе, что, по удостовѣренію свидѣтелей, они слышали такой рассказъ отъ мальчиковъ и на Лукьяновкѣ, и въ противоположной части Кіева, на Слободкѣ.

Однимъ изъ самыхъ близкихъ товарищей Андрюши по Слободкѣ былъ Гершка Арендарь. Знакомство Шнеерсона съ Арендарями отрицали и Шнеерсонъ, и Арендари, но Полищукъ, заявившій суду, что онъ въ этомъ знакомствѣ удостовѣрился разспросами въ Слободкѣ, сослался далѣе на книгу, взятую Красовскимъ въ квартирѣ Бейлиса при обыскѣ, на книгу, гдѣ, по слсвамъ Полищука, было записано нѣсколько фамилій, въ томъ числѣ и Арендарь, и Шнеерсонъ. Тутъ же Полищукъ добавилъ, что протокола о взятіи книги Красовскій не составлялъ, хотя отобраніе ея возбудило большое безпокойство у евреевъ, въ частности у Шнеерсона, Чернобыльскаго. И Красовскій не могъ не признать, что взялъ въ квартирѣ Бейлиса книгу, остановившую вниманіе надписанною на ней фамиліею, а прослѣдить дальнѣйшую судьбу этой книги оказалось невозможнымъ.

Шнеерсонъ все отрицаетъ—даже рассказъ старухи Нѣжинской, что онъ предупредилъ о ней, какъ о «бабкѣ», другого

еврея, читавшаго въ его лавкѣ газету: не могло, де, этого быть, потому что и евреевъ на Лукьяновкѣ совсѣмъ нѣтъ, и старухѣ въ то время незачѣмъ было заходить къ нему, Шнеерсону, въ лавку—хотя кто эта старуха, онъ, молъ, совершенно не зналъ. Вообще Шнеерсонъ никого и ничего не знаетъ: у Бейлиса не проживалъ, а оставался ли у него ночевать—не помнитъ; на Слободкѣ въ 1911 г. жилъ, ночевалъ, но у кого, не помнитъ; съ Ющинскимъ знакомъ не былъ; что такое хасиды и миснагиды—не знаетъ; о Шулханъ-Арухѣ даже не слыхалъ; за то на вопросъ, не прѣзжалъ ли когда нибудь въ Кіевъ его отецъ, Бунимъ Шнеерсонъ, рѣзникъ изъ Носовки—Файвель Шнеерсонъ отвѣтилъ столь же опредѣленно, сколь лаконически: «никогда». Подполковникъ Ивановъ удостовѣрилъ, однако, противное.

Чего, однако, не могъ отрицать Файвель Шнеерсонъ—это, что онъ мѣщанинъ мѣстечка Любавичи.

Между тѣмъ, родъ Шнеерсоновъ изъ Любавичей имѣетъ свою громкую и интересную исторію, надъ выясненіемъ которой положилъ много труда не только судебный слѣдователь Н. А. Машкевичъ, но и наблюдавшій за предварительнымъ слѣдствіемъ товарищъ прокурора Кіевского Окружнаго Суда А. А. Карбовскій (въ его руки, такъ же, какъ и въ руки Машкевича, дѣло попало, къ сожалѣнію, далеко не сразу). Исторія любавичскихъ Шнеерсоновъ важна настолько, что заставляетъ нарушить послѣдовательность изложенія и коснуться теперь же такихъ обстоятельствъ, подробное разсмотрѣніе которыхъ составляетъ особую часть настоящей книги, специально отведенную вопросу о ритуалѣ. Здѣсь мы коснемся этого вопроса самымъ краткимъ образомъ, лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы было понятнымъ дальнѣйшее изложеніе фактическаго матеріала.

Религіознымъ обоснованіемъ изувѣрныхъ убійствъ для іудеевъ-фанатиковъ надлежитъ считать каббалу, книгу, почитаемую ими священной и получившую распространеніе съ XIII вѣка. На особомъ почитаніи и своеобразномъ истолкованіи каббалы—ученія неяснаго, чрезвычайно туманнаго и мистическаго—зидется секта «хасидовъ» (буквально—«благочестивыхъ»), возникшая въ XVIII вѣкѣ въ Подоліи и очень быстро охватившая широкія массы еврейскаго населенія, остальная часть котораго получила названіе «миснагиды» (протестующіе). Въ фанатиче-

А. А. КАРБОВСКИЙ, Товарищ Прокурора Киевскаго
Окружнаго Суда.

скомъ, изувѣрномъ характерѣ хасидизма, притомъ очень рѣзко выраженномъ, не можетъ быть сомнѣнія. Дѣлится онъ на два толка—польскій и литовскій. Основателемъ литовскаго толка, его вождемъ и первымъ учителемъ былъ родоначальникъ любавичскихъ Шнеерсоновъ Залманъ (1751—1813 г.), избравшій своею резиденціею Любавичи, которыя сдѣлались религіознымъ центромъ хасидскаго движенія. «Хасиды предпочитали оставаться въ маленькихъ мѣстечкахъ, чтобы имѣть возможность безпрепятственно вести свое дѣло»—замѣчаетъ по этому поводу еврейскій историкъ Грець¹⁾.

Во главѣ хасидовъ стояли «цадики»—праведники, святые, чудотворцы, по убѣжденію ихъ послѣдователей, повинующихся цадикамъ слѣпо и безпрекословно. Потомки Залмана, наследственно, одинъ за другимъ, были въ Любавичахъ цадиками и пользовались среди хасидовъ громаднымъ вліяніемъ. Грець сообщаетъ, что послѣ 1793 г. Залманъ былъ арестованъ и въ цѣпяхъ отправленъ въ Петербургъ (за что!?), гдѣ оставался въ заключеніи, повидимому, до конца 1797 года. «Хасидскіе источники рассказываютъ,—читаемъ у Греца,—какимъ образомъ онъ (Залманъ) былъ освобожденъ. При этомъ они повѣствуютъ о многихъ чудесахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они достаточно наивны, чтобы рассказать, что богатые хасиды обязались для этой цѣли дать 10⁰/о отъ всякаго приданого, что они собрали 40,000 руб. черезъ ученика Залмана, Арона Леви . . . Къ концу царствованія Павла I, Залманъ опять попалъ въ заключеніе въ Петербургъ и, какъ говорятъ, былъ освобожденъ только послѣ восшествія на престолъ Александра I (1800 г.)»²⁾.

Объ одномъ изъ потомковъ Залмана, о Менделѣ Шнеерсонѣ изъ Любавичей, въ дѣлахъ «еврейскаго комитета», т. е. въ официальномъ правительственномъ источникѣ, находимъ такіа данныя:

«Въ 1841 году до Министерства Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ дошли свѣдѣнія, что начальникъ хасидской секты въ Витебскомъ и Виленскомъ генераль-губернаторствахъ, проживающій въ м. Любавичахъ, Могилевской губ., Оршанскаго уѣзда, по имени рабси Мендель Шнеерсонъ или

¹⁾ Генрихъ Грець. Исторія евреевъ. Переводъ подъ редакціей Шерешевскаго. Одесса, т. XII, стр. 110.

²⁾ Тамъ же, стр. 521.

Любавицерь (или Любавичерь) весьма уважается между евреями и имѣеть на нихъ, особенно на живущихъ въ Бѣлоруссіи и во всей Литвѣ, сильное вліяніе.

Въ 1853 году бывшій витебскій, могилевскій и смоленскій генераль-губернаторъ представлялъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ подробныя свѣдѣнія о Бѣлорусскихъ хасидахъ, ихъ ученіи, предводителѣ сихъ вредныхъ сектаторовъ, управляющемъ ими съ безграничною властью Менделѣ Шнеерсонѣ, и о предположеніяхъ къ обузданію его вредныхъ дѣйствій.

Въ началѣ 1854 г. обнаружено, что Шнеерсонъ скрывалъ два году сряду въ своемъ обществѣ еврея Зуся Альперовича, убійцу, бѣжавшаго изъ Виленскаго острога, и когда этотъ преступникъ былъ арестованъ и отправленъ въ Оршанскій острогъ, то агенты Шнеерсона доставили ему средства убѣжать. При производствѣ же слѣдствія хасиды показали, что никогда не слышали имени Альперовича. Это представляетъ новое доказательство, что всѣ усилія правительства остаются тщетными, когда надобно открывать преступления, совершаемыя хасидами. Главныя основанія этого вреднаго раскола состоятъ въ томъ, что, при внушаемой ученіемъ ихъ ненависти и презрѣніи къ христіанамъ, всякое нарушеніе законовъ правительства, всякій обманъ и клятвопреступленіе считаются не порокомъ, а заслугою.

По дѣлу о тайномъ убійствѣ еврея Проточайна, совершенномъ въ Волынской губерніи, въ мѣстечкѣ Славутѣ, по приговору хасидскихъ раввиновъ, состоялось 15 іюня 1839 года Высочайше утвержденное заключеніе генераль-аудиторіата о наказаніи преступника. Но и въ этомъ дѣлѣ, при всѣхъ усиліяхъ производившаго слѣдствіе флигель-адъютанта къ раскрытію истины, не обнаружено требуемыхъ закономъ доказательствъ въ совершеніи убійства¹⁾ и генераль-аудиторіатъ имѣлъ въ совершеніи онаго только нравственное убѣжденіе²⁾.

При разслѣдованіи въ пятидесятыхъ годахъ знаменитаго «саратовскаго» дѣла по обвиненію тамошнихъ жидовъ въ ритуальныхъ убійствахъ, были добыты указанія, что кровь посы-

¹⁾ Т. е. тѣхъ «формальныхъ» доказательствъ (сознанія, поличнаго, очевидцевъ преступленія), въ рамки которыхъ былъ заключенъ тогдашній дореформенный процессъ.

²⁾ Протоколъ осмотра дѣлъ Еврейскаго Комитета, произведеннаго по дѣлу объ убійствѣ Ющинскаго судебнымъ слѣдователемъ Машкевичемъ.

лалась оттуда, изъ Саратова, «для передачи Любавичскому раввину».

Болѣе подробное, документальное изложеніе всѣхъ этихъ свѣдѣній послѣдуетъ, повторяю, въ своемъ мѣстѣ, пока же, настоящимъ краткимъ ихъ перечисленіемъ, я хочу лишь отмѣтить, что хасиды, Любавичи, Шнеерсоны — эти тѣсно связанные между собою имена, имѣютъ свою весьма знаменательную исторію, на глубокое значеніе которой нельзя не натолкнуться, изслѣдуя вопросъ о ритуальныхъ убійствахъ.

Тѣмъ болѣе поразительнымъ является то совпаденіе, что единственнымъ человѣкомъ, жившимъ на кирпичномъ заводѣ Зайцева безъ всякаго касательства къ заводу, къ кирпичному производству, былъ Шнеерсонъ изъ Любавичей—іудей изъ такого рода и изъ такого мѣста, которые являлись очагомъ, центромъ сосредоточенія жидовскаго изуверства.

Нельзя не обратить вниманія и на нѣкоторыя другія совпаденія въ отношеніи Шнеерсона. Андрюша погибъ, отправясь рано утромъ верстъ за семь отъ своего дома на противоположную окраину г. Кіева для цѣли, которую даже отъ своихъ ближайшихъ родственниковъ держалъ въ секретѣ. Обстановка гибели мальчика даетъ несомнѣнныя указанія на предварительное заманиваніе и выслѣживаніе жертвы. Чтобы заманить, было весьма важно заблаговременно заручиться расположеніемъ, довѣріемъ мальчика. При такихъ условіяхъ рассказъ о дядѣ Павлѣ, который сулилъ въѣбравшему ребенку показать отца, вызываетъ серьезныя размышленія. Они усугубляются, если мѣсто встрѣчи съ Андрюшею и наблюденія за нимъ могли для «дяди Павла» не ограничиваться Лукьяновкою, но распространяться и на Слободку, если дѣйствительно «дядя Павелъ», т. е. Файвель Шнеерсонъ, проживая у Бейлиса на Лукьяновкѣ, былъ знакомъ и посѣщалъ на Слободкѣ, въ противоположномъ концѣ Кіева, Мовшу Арендаря, малолѣтній сынъ котораго настолько сошелся съ жившимъ по сосѣдству Андрюшей, что тотъ охотно ходилъ къ Арендарямъ въ гости. Знаменательно, что порошокъ для своихъ забавъ Андрюша получалъ отъ загадочныхъ «добрыхъ людей» тоже и на Слободкѣ, и на Лукьяновкѣ.

Таковы совпаденія, а прямое свидѣтельское показаніе, относящееся къ Шнеерсону, приведено выше: рассказывая судебному слѣдователю Машкевичу, какъ жида схватили Андрюшу во время катанья на мялкѣ, Людмила Чеберякова удостовѣрила

на предварительномъ слѣдствіи вполнѣ опредѣленно, что гнался за мальчикомъ, вмѣстѣ съ Бейлисомъ, и Файвель Шнеерсонъ.

Если для привлеченія Шнеерсона въ качествѣ обвиняемаго слѣдственная и прокурорская власть приведенныя данныя признала всетаки недостаточными, то это свидѣтельствуешь лишь объ ея осторожности—по моему мнѣнію, чрезмѣрной. Правда, сила и значеніе нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ сопоставленій обнаружилась только на судѣ, когда привлечь Шнеерсона было уже поздно.

Хотя вопросы, которые предлагались на судѣ Шнеерсону, какъ свидѣтелю, прокуроромъ и гражданскими истцами, не шли дальше выясненія того, гдѣ бывалъ Шнеерсонъ, чѣмъ занимался, съ кѣмъ водилъ знакомство, однако впечатлѣніе получилось настолько сильное, что Зарудный разразился такимъ заявленіемъ:

«Г. Предсѣдатель! Смыслъ вопросовъ, задаваемыхъ свидѣтелю, ясенъ!... Мы считаемъ своимъ долгомъ Вамъ доложить и покорнѣйше просимъ мое заявленіе занести въ протоколъ, что разслѣдованіе степени прикосновенности къ дѣлу убійства Ющинскаго, къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя сопровождали его смерть, лица, къ дѣлу непривлеченнаго, которое не имѣетъ возможности и права вызвать свидѣтелей, чтобы доказать свою совершенную невиновность, является, по мнѣнію защиты, дѣломъ, несогласнымъ съ закономъ, могущимъ повести къ установленію неправильной судебной перспективы, къ судебной ошибкѣ. Мы протестуемъ... Мы ходатайствуемъ все вопросы, смыслъ которыхъ ясенъ и говорить о которыхъ нечего, занести въ протоколъ. Здѣсь обвиняютъ не только Бейлиса, но и Шнеерсона! Обвиняется лицо, которое не можетъ защищаться, а ему бросаютъ въ глаза, что онъ участвовалъ въ убійствѣ!».

Горячо сказано! Однако, прежде всего, невѣрно со стороны фактической: на допросѣ Шнеерсона никто не «бросалъ ему въ глаза, что онъ участвовалъ въ убійствѣ». Ни одного такого вопроса предложено не было, поэтому и протестующій Зарудный не имѣлъ возможности текстуально указать, въ подкрѣпленіе своего протеста, въ чемъ именно, въ какихъ словахъ и выраженіяхъ, онъ такое бросаніе усмотрѣлъ. Дабы выйти изъ сего затрудненія, Зарудный, вмѣсто того, чтобы привести текстъ вопросовъ, подлежащихъ, по его ходатайству, занесенію въ про-

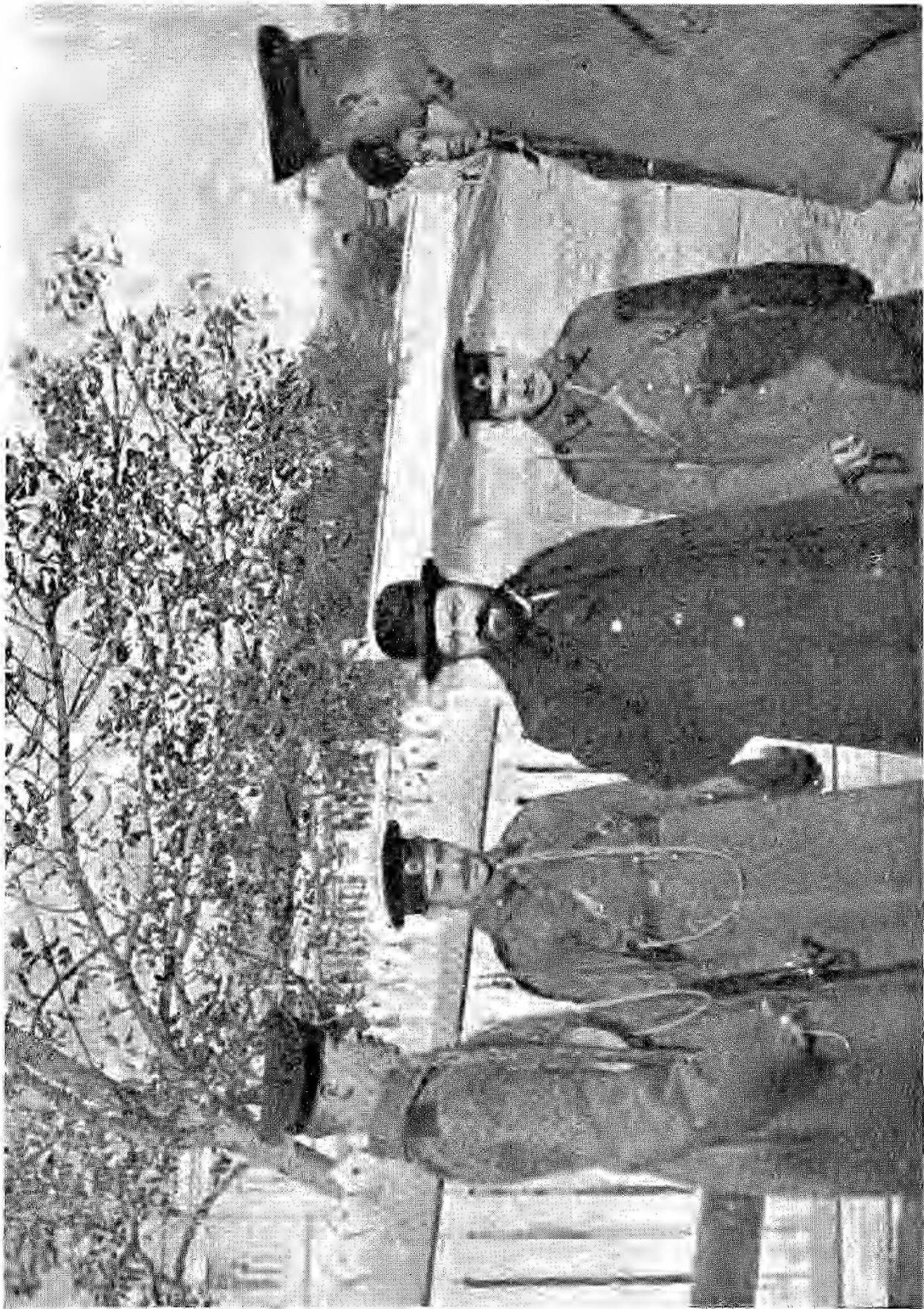
токоль, принужденъ былъ неопредѣленно ссылаться на ихъ «смысль», который, де, «ясенъ».

Столь же неосновательнымъ должно признать заявленіе Заруднаго и со стороны юридической. Вопросъ о томъ, не совершено ли преступленіе лицомъ, къ дѣлу не привлеченнымъ, сплошь и рядомъ возникаетъ въ уголовномъ процессѣ. Разъясненіе такого вопроса никакой «неправильной судебной перспективы» не устанавливаетъ, никакихъ судебныхъ ошибокъ не влечетъ и ничего «несогласнаго съ закономъ» не заключаетъ. Напротивъ того, запретительныя мѣры, которыхъ такъ добивался Зарудный, привели бы здѣсь къ послѣдствіямъ, для правосудія очень печальнымъ, и, прежде всего, къ чрезвычайному стѣсненію правъ подсудимыхъ, очень часто ссылающихся, что преступленіе совершено не ими, а другими лицами, непривлеченными къ дѣлу вслѣдствіе судебной ошибки. Законъ, о которомъ упомянулъ, впрочемъ опять съ достаточной неопредѣленностью, Зарудный, тоже не на его сторонѣ, ибо есть въ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства статья 722, которая разрѣшаетъ свидѣтелю не отвѣчать во время судебного слѣдствія на вопросы, клонящіеся къ изобличенію его самого въ преступленіи. Такимъ образомъ, снисходя къ тяжелому положенію свидѣтеля, законъ въ то же время не видитъ ничего недозволеннаго въ томъ, что подобное положеніе возникаетъ и даже самаго *предложенія* вопросовъ не воспрещаетъ, а лишь даетъ разрѣшеніе оставлять ихъ безъ отвѣта.

Но гораздо разительнѣе и фактической, и юридической необоснованности, та изумительная непослѣдовательность, которую проявила защита Бейлиса. Не она ли все время въ самыхъ широкихъ предѣлахъ занималась «разслѣдованіемъ степени прикосновенности къ убійству Ющинскаго лицъ, къ дѣлу не привлеченныхъ»? Не предлагались ли со стороны защиты Вѣрѣ Чеберяковой, Сингаевскому, Рудзинскому вопросы, прямо направленные къ изобличенію ихъ въ убійствѣ Андриши?

Грузенбергъ, напимѣръ, счелъ возможнымъ спрашивать Сингаевскаго: «почему вы думаете, что, если въ ночь съ 12 на 13 вы украли, то это значить, что утромъ, часовъ въ десять, одиннадцать вы не могли убить?»

Для защиты такой вопросъ былъ, по ея мнѣнію, допустимымъ, дозволеннымъ, но когда прокуроръ и гражданскіе истцы стали спрашивать Шнеерсона, откуда онъ родомъ, гдѣ жилъ,

БЕЙЛИСЪ подь стражею.

чѣмъ занимался, съ кѣмъ встрѣчался, не знавалъ ли Андриюши, не бывалъ ли у Арендаря—тогда Зарудный не замедлилъ возмутиться и выступить съ негодующимъ протестомъ, что, де, смыслъ вопросовъ ясенъ—Шнеерсона обвиняють въ убійствѣ.

Предсѣдатель далъ этому протесту надлежащую оцѣнку: указавъ на 722 статью, и на то, что Шнеерсона пока еще ни въ чемъ не обвиняють, онъ затѣмъ отмѣтилъ, что вопросы, которые самою же защитою предлагались Вѣрѣ Чеберяковой и нѣкоторымъ другимъ свидѣтелямъ, гораздо болѣе клонились къ обвиненію непривлеченнаго къ дѣлу лица, чѣмъ тѣ, которые были предложены Шнеерсону.

Если происхожденіе Шнеерсона привело насъ къ самому центру, къ самой основѣ хасидизма, то прошлое Бейлиса оказалось въ тѣсномъ соприкосновеніи къ такимъ именно религіознымъ обрядамъ еврейства, съ которыми изслѣдователи іудейскаго догмата крови связываютъ ея употребленіе. Кровь—или, чаще, не самая кровь, а пепель отъ пропитанныхъ ею и затѣмъ сожженныхъ тряпокъ, полотницъ—нужны іудейскимъ изувѣрамъ главнымъ образомъ для подмѣшиванья въ особый сортъ мацы—прѣснаго тѣста, выпекаемаго, съ соблюденіемъ цѣлаго ряда религіозныхъ правилъ, передъ еврейскою пасхою. Таково народное убѣжденіе, издавна и почти одновременно составившееся въ совершенно различныхъ странахъ, подкрѣпляемое и данными судебныхъ процессовъ и печатно выраженными мнѣніями изслѣдователей этого жидовскаго изувѣрства. Отлагая, какъ уже сказано, болѣе подробное изложеніе ритуальной стороны до особаго отдѣла, надлежитъ пока отмѣтить, что, во всякомъ случаѣ, именно такой взглядъ на мацу, правильно или неправильно, но получилъ широчайшее распространеніе за много лѣтъ до убійства Ющинскаго. И вотъ оказалось, что Мендель Бейлисъ въ обрядѣ изготовленія мацы принималъ самое близкое и непосредственное участіе. Выяснилось, что Юйна Мордковъ Зайцевъ, основатель кирпичнаго завода, изъ года въ годъ, до самой своей смерти, специально устраивалъ изготовленіе большихъ количествъ мацы недалеко отъ Кіева, въ своемъ имѣніи (!?) Григоровкѣ, гдѣ производился даже особый, предназначенный на мацу, посѣвъ пшеницы. Для такого изготовленія нарочито пріѣзжалъ въ Григоровку съ кирпичнаго завода Мендель Бейлисъ, хотя, казалось бы, между кирпичнымъ производствомъ и печеніемъ мацы общаго очень мало. На предварительномъ слѣд-

ствіи подсудимый заявилъ, что высекалось ежегодно пудовъ сто, на судѣ—что пудовъ 70 или 80.

Весьма важныя свѣдѣнія о томъ, что вообще на зайцевскомъ кирпичномъ заводѣ занимались не только кирпичами, сообщилъ суду свидѣтель Мердеръ, чиновникъ особыхъ порученій при кievскомъ генераль-губернаторѣ.

Мердеръ показалъ:

«Въ октябрѣ 1911 года Киевскій генераль-губернаторъ поручилъ мнѣ завѣдываніе нѣкоторыми дѣлами, касающимися евреевъ. 25 или 30 октября 1911 года генераль-губернаторъ получилъ отъ строительнаго отдѣленія губернскаго правленія представленіе о разрѣшеніи открыть молельню въ зданіи для богадѣльни имени Зайцева. Въ представленіи указывалось, что въ зданіи имѣется двухсвѣтный залъ, оказавшійся свободнымъ и лишнимъ. Это обстоятельство обратило мое особенное вниманіе, потому что зданіе было только что выстроено по предварительно утвержденному строительному плану и мнѣ казалось, что въ такомъ зданіи не можетъ быть свободныхъ комнатъ. Когда я отправился на мѣсто (т. е. на зайцевскій кирпичный заводъ со стороны Кирилловской улицы), то убѣдился, что это вовсе не свободная комната, а отдѣльная постройка, имѣющая свой отдѣльный фундаментъ, свой фасадъ и свое особое покрытіе. Зданіе это представляло собой не что иное, какъ еврейскую молельню. Тогда я навелъ справки въ строительномъ отдѣлѣ, какимъ образомъ она была построена, и выяснилось, что, когда приступали къ постройкѣ зданія, то комнату эту назвали столовой, между тѣмъ въ богадѣльнѣ должны были призрѣваться всего только 10 мужчинъ и 10 женщинъ, а для такого количества лицъ не могла имѣть смысла столовая, въ которой могли помѣщаться чуть ли не 100 человекъ. Такимъ образомъ, для меня сдѣлалось совершенно яснымъ, что тутъ съ самаго начала, весной, въ мартѣ 1911 года была задумана постройка молитвеннаго дома, а для того, чтобы администрація не препятствовала осуществленію этой постройки, она была названа на время столовой. Надо сказать, что зданіе было заложено въ мартѣ мѣсяцѣ. Это обстоятельство, собственно говоря, даетъ поводъ дѣлать разнаго рода заключенія..

Председатель. Свидѣтель, я васъ предупреждаю, чтобы относительно вашихъ заключеній вы намъ ничего не говорили. Вы только сообщайте факты.

Изъ дальнѣйшаго перекрестнаго допроса свидѣтеля Мердера выяснилось, что зданіе, которое строили подъ видомъ богадѣленной столовой, было снабжено такими несомнѣнными принадлежностями синагоги, какъ хоры для женщинъ, алтарное закругленіе съ нишей и возвышеніе, а въ верхнихъ окнахъ рисунокъ печати Соломона. Въ томъ же мартѣ 1911 года, когда была произведена закладка этой синагоги, рядомъ, на отдѣльномъ фундаментѣ, заложили и зданіе богадѣльни. Согласно полицейской справкѣ, закладка богадѣльни была 7 марта. По мнѣнію свидѣтеля, закладка синагоги состоялась нѣсколько позже, хотя возможно, что то и другое произошло одновременно.

Такимъ образомъ, рассказъ дѣтей Чеберяковыхъ, что они приблизительно за недѣлю до обнаруженія Андрюшинаго тѣла, зайдя къ Бейлису за молокомъ, застали тамъ двухъ странныхъ евреевъ необычнаго вида въ особенныхъ накидкахъ и головныхъ уборахъ—относится какъ разъ къ тому періоду времени, когда тутъ же, на зайцевской усадьбѣ, но въ противоположномъ ей концѣ, производилась закладка синагоги—о чемъ Чеберяковы совершенно не знали.

Едва ли послѣ всего изложеннаго можно оспаривать, что зайцевскій кирпичный заводъ былъ не только мѣстомъ выдѣлки кирпича, но и религіознаго сосредоточенія іудеевъ, а тѣ роковыя совпаденія, которыми такъ изобилуетъ настоящее дѣло, нужно дополнить еще однимъ: убійство Андрюши было учинено въ тотъ періодъ времени, когда на заводѣ праздновалось торжество религіознаго характера—закладка синагоги, при чемъ истинное значеніе этого торжества было утаено отъ христіанъ, которыхъ увѣрили, что закладывается не синагога, а богадѣленная столовая.

ЧАСТЬ II.

МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

I.

Общій очеркъ.

Андрюша Ющинскій былъ убитъ 12 марта 1911 г. Тѣло его обнаружено 20 марта. Судебно-медицинское вскрытіе трупа произведено черезъ Кіевскаго городского врача П. Н. Карпинскаго 22 марта. Оно оказалось однако въ своихъ описаніяхъ поверхностнымъ, страдающимъ нѣкоторыми неточностями и даже ошибками, почему 26 марта произведено новое вскрытіе черезъ профессора судебной медицины Кіевскаго Университета Н. А. Оболонскаго и прозектора того же Университета прив.-доц. Н. Н. Туфанова. Послѣднимъ сдѣланы изъ наиболѣе важныхъ частей трупа препараты, сняты фотографіи, произведенъ рядъ химико-микроскопическихъ изслѣдованій. Между прочимъ, чтобы располагать орудіемъ, похожимъ на то орудіе, коимъ совершено убійство, Туфановъ поручилъ университетскому служителю купить на кіевскомъ базарѣ швайку. Эта швайка, немного сломанная на концѣ и заточенная въ видѣ долота (т. е. превращенная уже изъ чисто-колющаго орудія въ колюще-рѣжущее) подошла ко всѣмъ ранамъ на тѣлѣ Ющинскаго. Передъ окончаніемъ предварительнаго слѣдствія, 23 декабря 1911 г., Н. А. Оболонскій и Н. Н. Туфановъ были, въ качествѣ экспертовъ, допрошены дополнительно. Затѣмъ, когда дѣло было обращено къ дослѣдованію и находилось въ производствѣ судебного слѣдователя Н. А. Машкевича, профессоръ Н. А. Оболонскій скоропостижно

умеръ. Тогда, 28 марта 1913 г., судебнымъ слѣдователемъ былъ допрошенъ въ качествѣ эксперта профессоръ судебной медицины Военно-Медицинской Академіи и Петроградскаго Университета, членъ Медицинскаго Совѣта Д. П. Косоротовъ.

Эти лица—Д. П. Косоротовъ и Н. Н. Туфановъ—были вызваны обвинительною властью и на судъ въ качествѣ экспертовъ по судебной медицинѣ.

Тогда защитою подсудимаго Бейлиса было предъявлено суду ходатайство, удовлетворенное судомъ, дополнительно вызвать въ качествѣ экспертовъ по тѣмъ же вопросамъ профессоровъ хирургіи Е. В. Павлова и А. А. Кадьяна, на предварительномъ слѣдствіи недопрошенныхъ.

Кромѣ того, рядомъ съ экспертизою судебно-медицинскою, слѣдователемъ была произведена экспертиза нѣсколько иного характера, получившая названіе психіатро-психологической. Эту экспертизу произвелъ на предварительномъ слѣдствіи допрошенный 8 мая 1911 г. профессоръ психіатріи Кіевскаго Университета И. А. Сикорскій, вызванный обвинительною властью въ качествѣ эксперта и на судъ.

Защита съ своей стороны просила вызвать для психіатро-психологической экспертизы недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи профессоровъ психіатріи В. М. Бехтерева и А. И. Карпинскаго (однофамильца съ городовымъ врачомъ, производившимъ первое вскрытіе Ющинскаго).

Ходатайство защиты было судомъ удовлетворено.

Составленные на предварительномъ слѣдствіи пространные акты вскрытія трупа и иныхъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій, при всей ихъ огромной важности, изобилуютъ, однако, подробностями чисто техническими, а также такими, которыя, при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, оказались мало существенными. Такимъ образомъ, представляется наиболѣе удобнымъ, приведя эти документы дословно въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, здѣсь ограничиться тѣмъ извлеченіемъ, которое сдѣлано изъ нихъ въ обвинительномъ актѣ.

Тамъ мы читаемъ:

«При судебно-медицинскомъ изслѣдованіи и вскрытіи трупа Ющинскаго на тѣлѣ его были обнаружены слѣдующія поврежденія:

На конѣ рукъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были перевязаны бичевкою, оказались борозды съ точечными кро-

воизліянiями подъ кожу. Такого же рода кровоизліянiя были на соединительной оболочкѣ вѣкъ и глазъ, а на внутренней поверхности губъ замѣтны были слѣды отъ надавливанiя зубовъ, съ ссадненiями слизистой оболочки. Кромѣ ссадинъ на головѣ, лицѣ и туловищѣ, на головѣ, въ теменной и затылочной областяхъ, оказалось семь колотыхъ ранъ, пять изъ которыхъ проникли въ черепныя кости, при чемъ два изъ этихъ поврежденiй прошли глубже—одно въ твердую мозговую оболочку, и другое—въ пазуху ея, вызвавъ кровоизліанiе на лѣвомъ полушарiи мозга, подъ мягкую мозговую оболочку. На вискахъ оказались такого же вида раны, на лѣвомъ одна и на правомъ тринадцать. Шесть ранъ изъ числа имѣвшихся на правомъ вискѣ и рана на лѣвомъ—проникли въ кости. На правой сторонѣ шеи обнаружено семь ранъ, на кадыкѣ—двѣ и подъ нижней челюстью—одна рана. На правомъ боку, по подмышечной линiи, оказалось четыре раны; на правой половинѣ спины, по лопаточной линiи, между предреберьемъ и тазомъ—также четыре раны; на лѣвой половинѣ груди, ниже соска, семь ранъ и на очевидномъ отросткѣ—одна рана.

Соотвѣтственно ранамъ на тѣлѣ обнаружены поврежденiя внутреннихъ органовъ: на правомъ легкомъ и на печени—по три раненiя; на лѣвомъ легкомъ и на правой почкѣ—по одной ранѣ и на сердцѣ—четыре раны, изъ которыхъ одна нанесена была черезъ легкое. Вокругъ одной изъ ранъ, проникшей въ сердце, на кожѣ осталось ссадненiе кольцевидной формы.

Раны на тѣлѣ частью были въ видѣ уколовъ, частью—щелевидной, овальной и треугольной формы, отъ двухъ до девяти миллиметровъ длиною. Также щелевидныя поврежденiя оказались на костяхъ черепа въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было прободенiя кости, сквозныя же поврежденiя имѣли ромбовидную форму. Раны на головѣ, лѣвомъ вискѣ и шеѣ дали обильное кровотеченiе. Потеря крови отъ полученныхъ поврежденiй была столь значительна, что тѣло оказалось почти обезкровленнымъ.

Находившіяся на трупѣ рубаха и кальсоны, а также найденныя въ пещерѣ куртка и фуражка, оказавшіяся принадлежащими Ющинскому, были замазаны кровью. На

лѣвой половинѣ рубахи видны были слѣды потековъ крови, идущихъ отъ плеча внизъ, слегка въ косвенномъ направленіи влѣво, при чемъ одинъ потекъ далъ извилистое отвѣтвленіе въ правую сторону. На подкладкѣ фуражки были кровяныя помарки; снаружи и изнутри кожаной подшивки подъ околышемъ оказались кровяныя пятна съ слѣдами потековъ. Помарки и пятна крови на курткѣ были покрыты глиною. Кальсоны въ верхней части оказались пропитанными кровью. Поясъ ихъ былъ вывороченъ наружу складками, въ которыхъ,—такъ же, какъ и въ сѣдалищной части кальсонъ,—было значительное количество глины съ приставшими сухими листьями. На кальсонахъ и курткѣ нарушеній цѣлости ткани не было. На рубахѣ оказалось три разрыва до семи миллиметровъ длиною. Края одного разрыва были чистые, а остальныхъ, находившихся въ области кровяныхъ пятенъ на рубахѣ—запачканные кровью, при чемъ на одномъ изъ этихъ разрывовъ былъ замаранъ только одинъ край. На фуражкѣ оказалось четыре сквозныхъ разрыва щелевидной формы. На краяхъ ихъ обнаружены были слѣды крови.

Основываясь на данныхъ вскрытія, въ связи съ результатами осмотра бѣлья, куртки и фуражки Ющинскаго, а также пещеры, гдѣ былъ найденъ трупъ, врачи-эксперты, профессоръ Кіевскаго Университета по кафедрѣ судебной медицины Оболонскій и прозекторъ по той же кафедрѣ, Туфановъ, пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

Изъ числа оказавшихся на тѣлѣ Ющинскаго поврежденій, раны на головѣ и на шеѣ были причинены при полной, а остальные раненія при значительно ослабленной дѣятельности сердца. При жизни Ющинскаго были связаны у него руки и зажимался съ надавливаніемъ на зубы ротъ его. Во время нанесенія ему поврежденій онъ находился въ вертикальномъ, склоненномъ нѣсколько влѣво, положеніи, былъ въ одномъ бѣльѣ и, повидимому, въ фуражкѣ, обращенной козырькомъ къ затылку, такъ какъ только при такомъ положеніи фуражки получается соотвѣтствіе всѣхъ разрывовъ на ней четыремъ поврежденіямъ изъ числа имѣющихся на черепѣ. Орудіемъ причиненія поврежденій былъ колющій предметъ, въ родѣ швайки или стилета, сплюсненно-четыреугольной формы съ долото-

образно отшлифованнымъ съ двухъ сторонъ концомъ. Первые удары Ющинскому были нанесены въ голову и шею, и послѣдніе—въ сердце. При одномъ изъ ударовъ въ сердце клинокъ орудія вошелъ въ тѣло по рукоятку, оставившую отпечатокъ на кожѣ. Поврежденія были нанесены нѣсколькими лицами. Характеръ орудія и множественность частью поверхностныхъ пораненій, въ видѣ уколовъ, служатъ указаніемъ на то, что одной изъ цѣлей нанесенія ихъ было стремленіе причинить Ющинскому возможно сильныя мученія. Въ тѣлѣ его осталось не болѣе трети всего количества крови; на бѣльѣ и одеждѣ имѣется ничтожная часть ея, а остальная кровь вытекла, главнымъ образомъ, черезъ мозговую вену, артерію у лѣваго виска и вены на шеѣ. Ближайшей причиной смерти Ющинскаго послужило острое малокровіе отъ полученныхъ поврежденій, съ присоединеніемъ явленій асфиксіи, вслѣдствіе воспрепятствованія доступа воздуха къ воздухоноснымъ путямъ. Отсутствіе слѣдовъ крови въ пещерѣ, гдѣ былъ обнаруженъ трупъ Ющинскаго, положеніе его тѣла, а также находеніе на внутренней поверхности кальсонъ сзади значительнаго количества глины и сухихъ листьевъ, имѣвшихся въ этой пещерѣ, указываетъ на то, что Ющинскій былъ убитъ въ другомъ мѣстѣ, и затѣмъ втащенъ въ пещеру головой впередъ, въ состояніи трупнаго окоченѣнія, въ каковомъ положеніи былъ поставленъ у стѣны и постепенно осѣдалъ, когда окоченѣніе стало проходить.

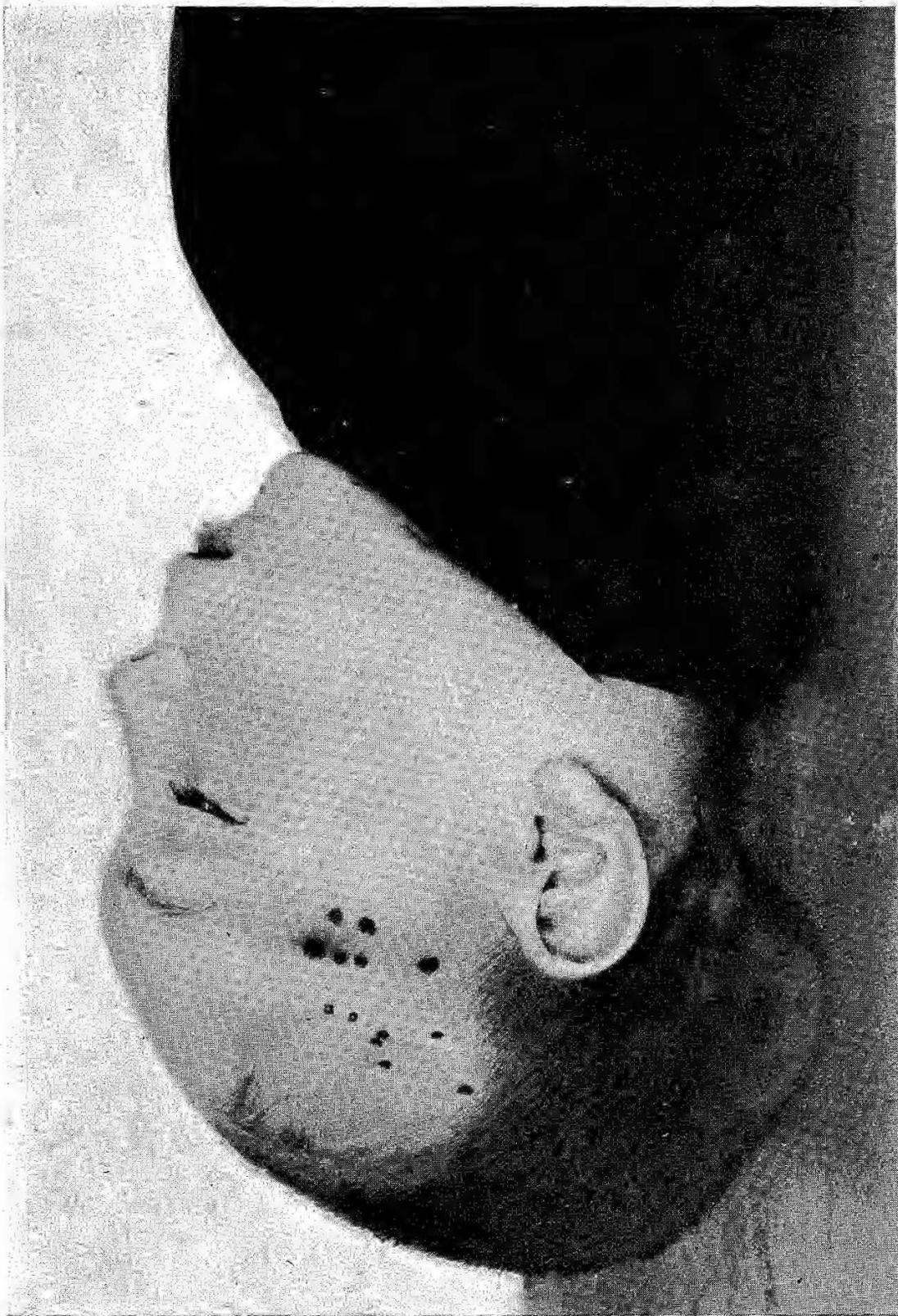
Допрошенный по тѣмъ же вопросамъ членъ медицинскаго совѣта Косоротовъ, раздѣляя мнѣніе названныхъ выше экспертовъ относительно причины смерти Андрея Ющинскаго и орудія, коимъ были причинены ему поврежденія и, съ своей стороны, признавая всѣ эти поврежденія прижизненными и причиненными, во всякомъ случаѣ, не однимъ лицомъ, а, по крайней мѣрѣ, двумя или, наиболѣе вѣроятно, нѣсколькими лицами, пришелъ при этомъ къ слѣдующимъ выводамъ. Хотя поврежденія, причиненныя Ющинскому, сопровождались невообразимо мучительными ощущеніями, тѣмъ не менѣе расположеніе этихъ поврежденій не даетъ основанія предполагать, что главной цѣлью было причиненіе мученій: такъ, съ одной

стороны, Ющинскому не было нанесено, хотя бы и тѣмъ же орудіемъ, уколовъ по всему тѣлу безъ разбора—куда придется, а также не имѣется слѣдовъ примѣненія другихъ, кромѣ уколовъ, приѣмовъ, напр., шипковъ, ударовъ тупыми орудіями и тому подобнымъ, и даже не оказывается уколовъ въ общеизвѣстныя, особенно чувствительныя къ нимъ мѣста, напр., чрезмѣрно болѣзненныхъ уколовъ подъ ногти и тому подобное; съ другой стороны ясно бросается въ глаза то обстоятельство, что поврежденія сгруппированы, главнымъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ можно прощупать біеніе большихъ артерій, на примѣръ на шеѣ, въ подмышкѣ, или гдѣ ясно видны, особенно у дѣтей, сніяя полосы венъ (на вискѣ), а также въ области сердца. Наконецъ, тѣло было въ высшей степени обезкровлено, что совсѣмъ не являлось необходимою при намѣреніи причинить мученія. Все это приводитъ къ убѣжденію, что поврежденія нанесены съ намѣреніемъ получить возможно большее количество крови для какихъ-либо цѣлей».

Среди фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ обвинительнымъ актомъ изъ протоколовъ вскрытія, одно требуетъ немедленно же нѣкоторыхъ поясненій.

Въ обвинительномъ актѣ сказано, что на правомъ вискѣ Ющинскаго обнаружено тринадцать колотыхъ ранъ. Ритуальная экспертиза уже на предварительномъ слѣдствіи и особенно на судѣ подчеркнула громадное значеніе этого обстоятельства, указавъ, что число 13 имѣетъ, согласно каббалѣ, большое символическое значеніе, специально относящееся къ принесенію жертвъ. Съ другой стороны, какъ это легко видѣть и на приложенномъ фотографическомъ снимкѣ, уколы на правомъ вискѣ представляютъ совершенно отдѣльную группу раненій, отличаго отъ другихъ характера, при чемъ даже эксперты, вызванные по ходатайству защиты, не могли объяснить, съ какою собственно цѣлью эти уколы въ правый високъ нанесены, ибо таковыя не подходили, не соответствовали ни цѣлямъ непосредственнаго лишенія жизни, ни цѣлямъ мучительства, ни цѣлямъ обезкровленія.

При такихъ условіяхъ эти 13 ранъ на правомъ вискѣ приобрѣтали значеніе грозной улики. И вотъ защитой былъ возбужденъ споръ, что въ обвинительномъ актѣ ошибка, что, на

АНДРЮША ЮЩІНСЬКИЙ передъ погребеніємъ.

АНДРІЮША ЮЩИНСЬКИЙ передъ погребеніємъ.

АНГЛІЙСЬКА ЮЦІНІСІДІА ПЕРЕТЬ ПОРПЕДОНІСІАТ.

АНДРІЮША ЮЩИНСЬКИЙ передъ погребеніємъ.

самомъ дѣлѣ, ранъ вовсе не 13, а 14. Дѣйствительно, въ то время, какъ протоколъ проф. Оболенскаго и Туфанова удостовѣряетъ, что ранъ 13, въ актахъ перваго вскрытія, произведеннаго городовымъ врачомъ Карпинскимъ, сказано, что 14.

Однако на судѣ вполне выяснилось—и какъ разъ эксперты, вызванные по ходатайству защиты, наиболѣе это подчеркивали—что первое вскрытіе вообще было произведено поверхностно. Впрочемъ, отъ городского врача, хотя и опытнаго, но обремененнаго массою работы и, въ частности, множествомъ вскрытій, едва ли и можно было ожидать особенной точности и внимательной обработки всѣхъ подробностей. Естественно, что, увидѣвъ на правомъ вискѣ цѣлую группу сравнительно не крупныхъ и не грозившихъ непосредственной опасностью для жизни раненій, онъ не придавалъ серьезнаго значенія, 13 ихъ или 14, между тѣмъ одно отверстіе отъ раны было такое, что его очень легко принять за два. Совсѣмъ иной характеръ носило вторичное, такъ сказать, повѣрочное вскрытіе, произведенное профессоромъ судебной медицины. Объясненіями прозектора Туфанова о раненіяхъ на правомъ вискѣ было удостовѣрено, что, вмѣстѣ съ проф. Оболенскимъ, онъ тщательно изслѣдовалъ и отверстія на соотвѣтствующемъ лоскутѣ кожи и слѣды уколовъ на височной кости. Онъ же, Туфановъ, сдѣлалъ фотографію, о коей упомянуто, и препаратъ изъ лоскута кожи, а черепная крышка Ющинскаго и, въ частности, височная кость тоже сохранены и находятся въ распоряженіи суда. Такъ какъ, ко времени снятія фотографіи, височная кость Ющинскаго была уже, путемъ вскрытія, изъ трупа удалена, то, чтобы кожа, на время фотографированія, осталась въ натянутомъ состояніи, подъ нее была подложена другая черепная крышка (височная кость).

Казалось бы, объясненія Туфанова должно признать исчерпывающими, а образъ его дѣйствій безукоризненно правильнымъ. Въ частности, если, на примѣръ, снимается фотографія съ картины или съ ковра, то, для оцѣнки достоинствъ фотографическаго снимка, не все ли равно, какой предметъ, не вышедшій на снимкѣ, подложенъ подъ картину, или подъ коверъ. То же самое и въ томъ случаѣ, когда снимаютъ фотографію съ кожи, чтобы показать, сколько въ ней отверстій, уколовъ. Не все ли равно, какой предметъ подложенъ подъ кожу, лишь бы кожа держалась на немъ гладко, въ натянутомъ положеніи.

Это столь просто и очевидно, что даже не требует объяснений, и не понимать, въ чемъ дѣло, защита, конечно, не могла. Тѣмъ не менѣе Зарудный говорилъ о фотографіи, снятой съ «фальшиваго» трупа, а Грузенбергъ, на мое заявленіе, что, если подсчитать, то уколовъ 13, перебилъ меня словами «на чужой черепной крышкѣ», за что и получилъ отъ Предсѣдателя предостереженіе.

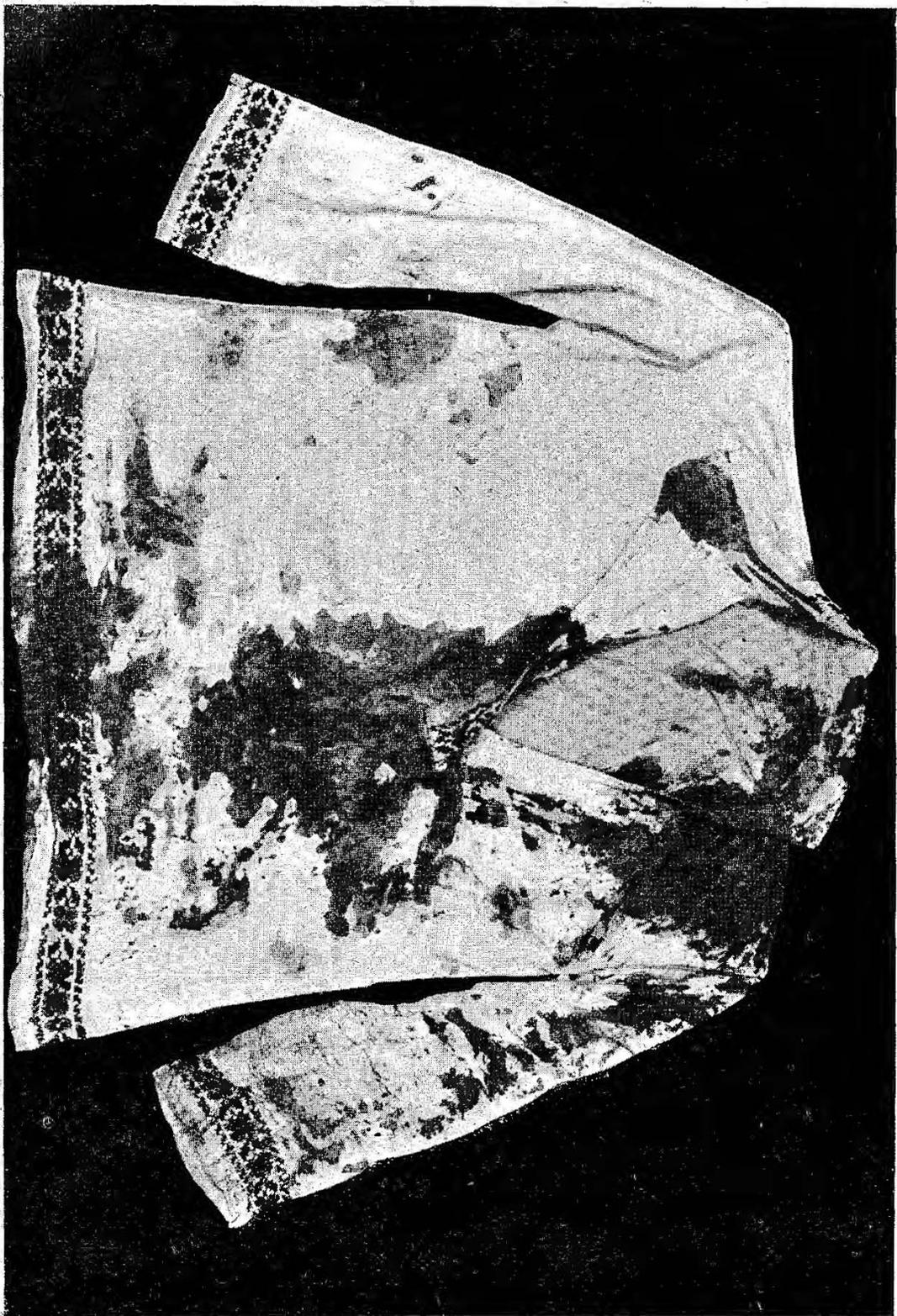
Спрошенный судомъ по этому вопросу, проф. Косоротовъ показалъ: «если мы возьмемъ фотографію, то можно точно подсчитать, сколько уколовъ. У меня впечатлѣніе, что уколовъ 13, но одинъ уколъ можно, пожалуй, считать за два. Первоначально Карпинскій счелъ одно отверстіе происходящимъ отъ двухъ уколовъ».

Изъ экспертовъ по судебной медицинѣ, вызванныхъ по ходатайству защиты, проф. Павловъ далъ неопредѣленный отвѣтъ, а проф. Кадьянъ заявилъ, что, по его мнѣнію, на фотографіи ясно видно 12 уколовъ—такъ онъ и считаетъ. Если всматриваться, то видна еще одна «черта» и тогда число уколовъ будетъ уже 13, но если еще всматриваться, то «при извѣстной натяжкѣ можетъ и въ другой чертѣ явиться сомнѣніе—нѣтъ ли тутъ двухъ чертъ», тогда окажется уже 14 уколовъ. Такимъ образомъ, сколько ихъ—12, или 13, или 14,—это «рѣшается субъективно», если имѣть въ виду только фотографическій снимокъ, что же касается самаго препарата, то онъ, ко времени суда, успѣлъ, по мнѣнію проф. Кадьяна, настолько сморщиться, что сдѣлался непригоднымъ для рѣшенія вопроса.

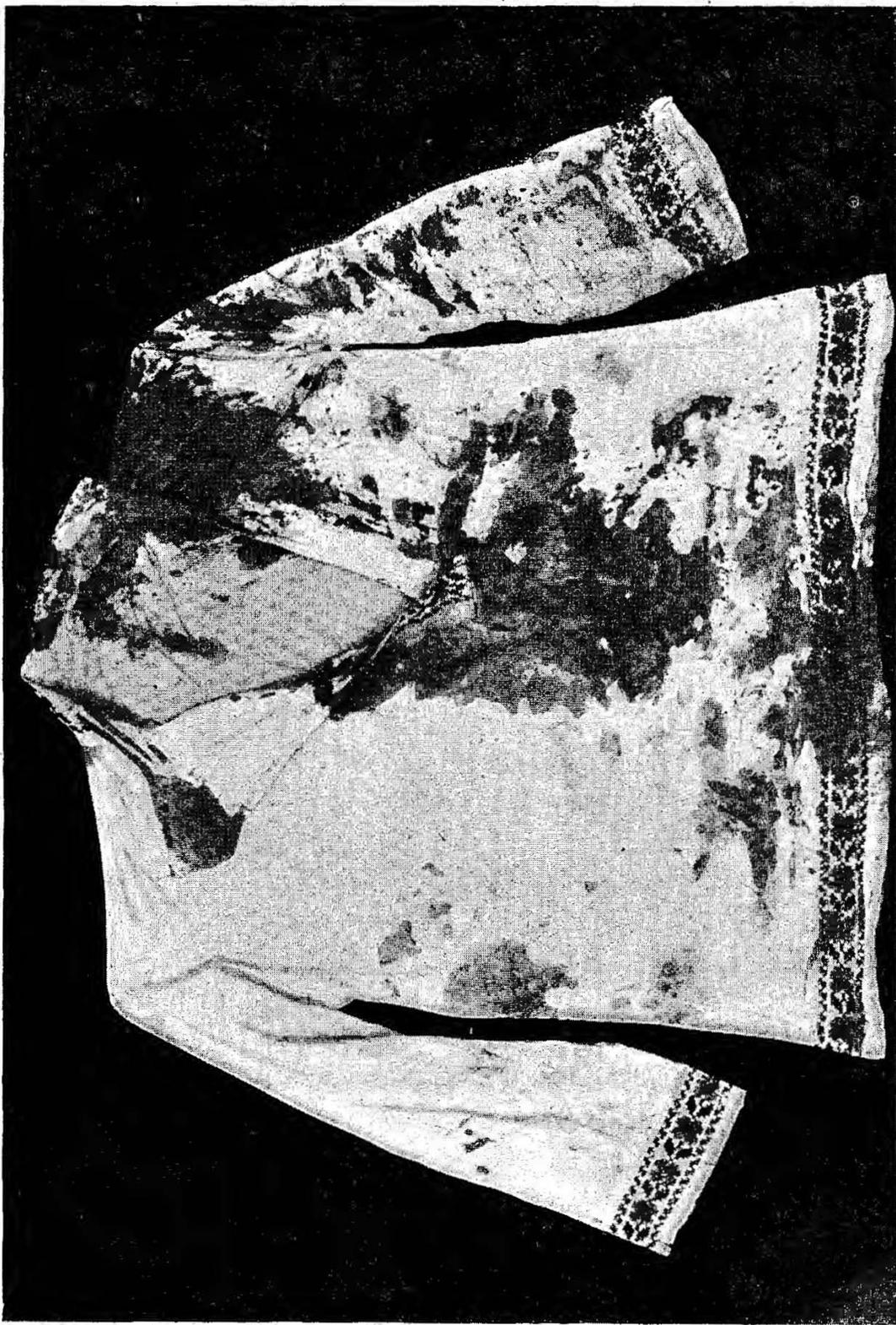
Прозекторъ Туфановъ на судѣ, подъ присягой, удостовѣрилъ, что уколовъ нанесено 13, но одинъ изъ нихъ можно было принять за два. Ко времени судебного разбирательства препаратъ, дѣйствительно, нѣсколько сморщился и эти тринадцать уколовъ видны на немъ не такъ ясно, какъ раньше.

Не лишнее отмѣтить, что вопросъ о каббалистическомъ значеніи числа 13 былъ возбужденъ ритуальною экспертизою, произведенною больше, чѣмъ годъ спустя послѣ того, какъ проф. Оболонскій и Туфановъ дали на предварительномъ слѣдствіи свое заключеніе о количествѣ ранъ на правомъ вискѣ несчастнаго Андрюши.

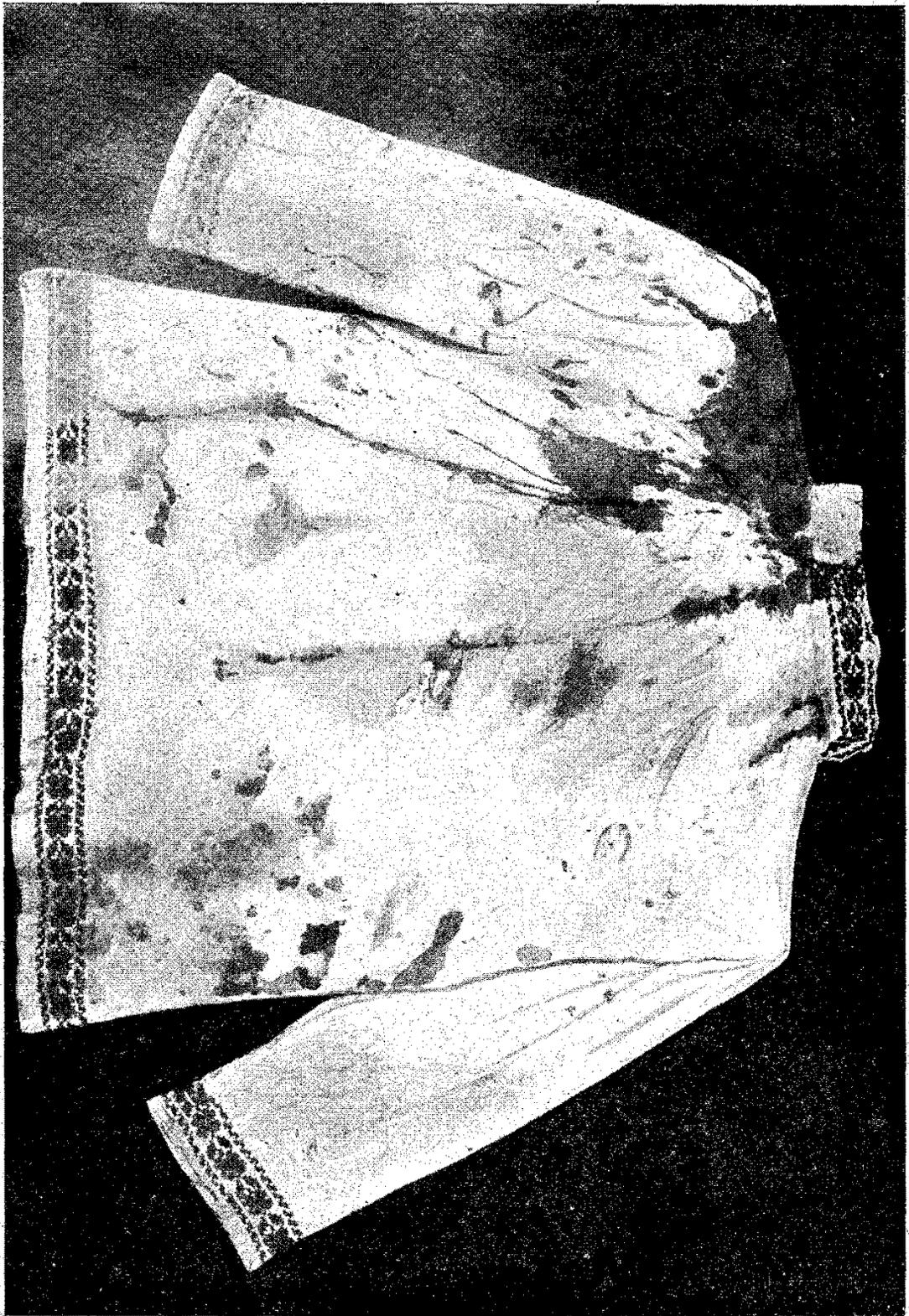
Общій ходъ экспертизы на предварительномъ слѣдствіи выражается въ такомъ видѣ: сейчасъ же послѣ обнаруженія трупа, слѣдственная власть обратилась къ тому свѣдущему лицу, къ

Рубашка (спереди), въ которой былъ замученъ Андруша Юшинскій.

Рубашка (спереди), въ которой былъ замученъ Андрюша Юшинскій.

Рубашка (сзади), въ которой былъ замученъ Андруша Ющинскій.

Рубанка (сзади), въ которой былъ замученъ Андруша Ющивскій.

которому она всегда обращается и должна обращаться по дѣламъ о насильственномъ лишеніи жизни, произведенномъ въ чертѣ города—обратилась для производства вскрытія къ городскому врачу. Затѣмъ, убѣдясь въ исключительномъ значеніи дѣла, судебная власть немедленно приглашаетъ то свѣдущее лицо, которое въ г. Кіевѣ являлось, безспорно, первымъ авторитетомъ по вопросамъ, подлежащимъ разслѣдованію—профессора мѣстнаго университета по кафедрѣ судебной медицины, чловѣка съ большимъ ученымъ именемъ, ученый авторитетъ котораго признавался далеко за предѣлами Кіева. Въ дѣло вступаетъ профессоръ Оболонскій и его ближайшій помощникъ, прозекторъ Туфановъ. Затѣмъ проф. Оболонскій умираетъ и, чтобы замѣнить его, судебная власть обращается къ ученому, который въ настоящее время является первымъ авторитетомъ въ Россіи по вопросамъ судебно-медицинской экспертизы, къ профессору по этой кафедрѣ въ Медицинской Академіи и Петроградскомъ Университетѣ, Члену Медицинскаго Совѣта—высшаго врачебнаго учрежденія въ Россіи—Д. П. Косоротову. Кромѣ того, желая освѣтить вопросъ по возможности шире и всестороннѣе, судебная власть обратилась къ свѣдущему лицу по психологіи и психіатріи—опять таки къ такому ученому, который въ этихъ вопросахъ былъ первымъ авторитетомъ для того города, гдѣ производилось дѣло, мало того, своими научными трудами приобрѣлъ извѣстность не только въ Россіи, но и за границей—къ профессору Кіевского Университета Сикорскому.

Справка эта не бесполезна потому, что лагерь, ставшій на защиту жидовскаго изувѣрства, не постѣснился утверждать, будто правосудіе въ дѣлѣ Бейлиса все время попиралось и приносилось въ жертву какому-то постороннимъ цѣлямъ. Между тѣмъ факты неопровержимаго характера удостовѣряютъ, что для выясненія истиннаго характера убійства судебныя власти, ничего сами не предрѣшая, обратились прежде всего къ людямъ науки, и, не позволяя себѣ рѣшительно никакого подбора, спросили мнѣнія у тѣхъ, кого надлежало считать наиболѣе свѣдущими по даннымъ вопросамъ. Такимъ образомъ исключительный характеръ убійства, обезкровленіе тѣла и рядъ чертъ, указующихъ на ритуальъ, былъ установленъ учеными, въ познаніяхъ которыхъ, независимости и безпристрастіи сомнѣваться невозможно. Лишь послѣ этого судебная власть обратилась къ подробной и обстоятельной экспертизѣ богословской, ритуаль-

ной, произведенной такимъ знатокомъ, какъ каноникъ Пранайтисъ, сказавшій категорически, что преступленіе носитъ всѣ черты, всѣ особенности типичнаго ритуальнаго убійства.

При такихъ условіяхъ для всякаго безпристрастнаго чело-вѣка ясно, можно ли обвинять судебную власть въ пристрастіи, въ предвзятости, а тѣмъ болѣе въ какомъ-то погрании правосудія.

Какъ извѣстно, эксперты, выбранные защитой, ею указан-ные и приглашенные затѣмъ судомъ, въ рядѣ вопросовъ разо-шлись съ экспертами, допрошенными на предварительномъ слѣд-ствіи. Конечно, вопросъ о томъ, кому отдать предпочтеніе—очень субъективный и рѣшать его можно, во всякомъ случаѣ, лишь послѣ сопоставленія мнѣній, вызвавшихъ разнорѣчіе. Однако, нѣсколько предварительныхъ замѣчаній можно дать и теперь.

Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что, при равенствѣ прочихъ условій, тотъ, кто самъ непосредственно видѣлъ изслѣдуемое явленіе, составитъ о немъ болѣе правильное, болѣе вѣрное мнѣ-ніе, чѣмъ тотъ, кто судитъ по описаніямъ, сдѣланнымъ другими.

Примѣняя эту общую истину къ особенностямъ настоящаго дѣла, надлежитъ сказать, что, въ области судебно-медицинской экспертизы, мнѣнія проф. Оболонскаго и Туфанова, изслѣдовав-шихъ самый трупъ, явятся болѣе цѣнными, чѣмъ мнѣнія остальныхъ экспертовъ-профессоровъ, не видавшихъ трупа и судившихъ лишь по его описанію—если, разумѣется, считать тѣхъ и другихъ равными по таланту, по опытности, по зна-ніямъ, пытливости ума и т. под.

Другая истина общаго характера гласитъ, что, при равен-ствѣ прочихъ условій, изслѣдованіе тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ болѣе подходитъ къ нему профессія, специальность изслѣдователя. Въ настоящемъ дѣлѣ по экспертизѣ судебно-медицинской были специалисты двухъ категорій: съ одной стороны специалисты по судебной медицинѣ, въ тѣсномъ смыслѣ этого термина—профес-сора Косоротовъ, Оболонскій, прозекторъ Туфановъ, и съ дру-гой стороны профессора-хирурги, Павловъ и Кадьянъ, вызван-ные по ходатайству защиты. Едва ли можно сомнѣваться, что для той экспертизы, которая была произведена, судебная меди-цина является специальностью болѣе соответствующею, чѣмъ хирургія, хотя бы потому, что, при изслѣдованіи поврежденій, для хирургіи главное вниманіе сосредоточивается на вопросѣ

о послѣдствіяхъ, а въ судебной медицинѣ—на вопросѣ о причинахъ. Первая задача хирурга—вылечить больного, устранить, предотвратить или, по крайней мѣрѣ, ослабить вредныя послѣдствія поврежденія,—а причины такового интересны хирургу лишь постольку, поскольку это нужно для правильнаго леченія, для надлежащей операціи. Изслѣдовать на трупахъ причины смерти хирургу приходится очень рѣдко. Наоборотъ, такое изслѣдованіе всецѣло относится къ судебной медицинѣ, равно какъ и освидѣтельствованіе живыхъ людей не для леченія полученныхъ ими поврежденій, а для выясненія, гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ эти поврежденія причинены.

Судъ приступилъ къ медицинской экспертизѣ на двадцать первый день процесса—15 октября 1913 года и закончилъ ее на двадцать пятый день процесса, 19 октября. Сначала была произведена экспертиза судебно-медицинская черезъ проф. Косоротова, Туфанова, Павлова и Кадьяна, затѣмъ психіатро-психологическая черезъ проф. Сикорскаго, Бехтерева и Карпинскаго.

Первая группа экспертовъ присутствовала на судѣ въ теченіи всего судебного слѣдствія, вторая группа—на чтеніи обвинительнаго акта и на заключеніи, данномъ экспертами первой группы.

Экспертамъ первой группы было предложено 23 письменныхъ вопроса въ редакціи, выработанной судомъ, при чемъ судъ принялъ во вниманіе письменные проекты вопросовъ, переданные ему каждой изъ сторонъ. Разумѣется, отвѣты на эти вопросы экспертовъ не устранили послѣдующаго ихъ допроса судомъ и сторонами.

Совѣщаніе экспертовъ Косоротова, Туфанова, Павлова и Кадьяна было совмѣстное.

Такой же порядокъ былъ соблюденъ въ отношеніи экспертизы психіатро-психологической, гдѣ судъ предложилъ восемь вопросовъ. Впрочемъ, здѣсь самое совѣщаніе экспертовъ только вначалѣ было совмѣстнымъ, ибо, послѣ согласнаго разрѣшенія двухъ вопросовъ, не вызывавшихъ спора, по остальнымъ обнаружилась столь сильная разниа мнѣній между проф. Сикорскимъ съ одной стороны, проф. Бехтеревымъ и Карпинскимъ съ другой, что проф. Сикорскій отъ дальнѣйшаго совѣщанія отказался.

Что касается экспертовъ по вопросамъ судебной медицины, то они совѣщались въ помѣщеніи суда, въ отдѣльной комнатѣ, охраняемой судебными приставами, цѣлый день, до поздняго вечера, а заключеніе свое должны были дать на слѣдующее утро. Предсѣдатель разъяснилъ экспертамъ, что, по долгу принятой ими присяги, послѣ окончанія ихъ совѣщанія и до дачи ими на судѣ заключенія, они ни съ кѣмъ по поводу экспертизы говорить не имѣютъ права.

Утромъ экспертиза началась съ заключенія проф. Косоротова, который, давъ отвѣты на всѣ 23 вопроса, заявилъ, что, начиная съ вопроса 14-го и до конца, эксперты пришли къ единогласному заключенію. Для построенія защиты, для «чеберяковской версіи» такое единогласіе было губительнымъ, ибо, въ отвѣтъ на, вопросъ 17-ый, проф. Косоротовъ удостовѣрилъ совершенно опредѣленно: «мы пришли къ убѣжденію, что убійство совершалось на мѣстѣ, гдѣ есть свѣжая глина Убійство въ жиломъ помѣщеніи мы можемъ исключить».

И вотъ, когда, послѣ проф. Косоротова и присоединившагося къ нему вполне, во всемъ, Туфанова, очередь давать заключеніе дошла до проф. Павлова, то обнаружилось разнорѣчіе не только до, но и послѣ вопроса 14-го, между прочимъ и въ вопросѣ 17-мъ.

На изумленные вопросы сначала прокурора, а потомъ мои, какимъ же образомъ проф. Косоротовъ только что заявилъ суду о единогласіи экспертовъ по вопросамъ съ 14-го по 23-ій, проф. Павловъ, ни мало не смущаясь, отвѣтилъ, что проф. Косоротовъ «сказалъ вѣрно, его словъ я отрицать не могу», но «послѣ вчерашняго вечера у меня еще были нѣкоторыя размышленія и я могъ хорошенько обмозговать отдѣльные вопросы въ деталяхъ и мелочахъ», «придя домой, я думалъ въ этомъ направленіи и въ нѣкоторомъ отношеніи мнѣ пришлось измѣнить свое мнѣніе»!!

Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, къ какимъ измѣненіямъ привели ночныя размышленія проф. Павлова.

II.

Заключение проф. Косоротова и Туфанова.

На предложенные судомъ 23 вопроса проф. Косоротовъ далъ слѣдующее заключение:

1) Всѣ ли обнаруженные на трупѣ Андрея Ющинскаго поврежденія нанесены ему при жизни?

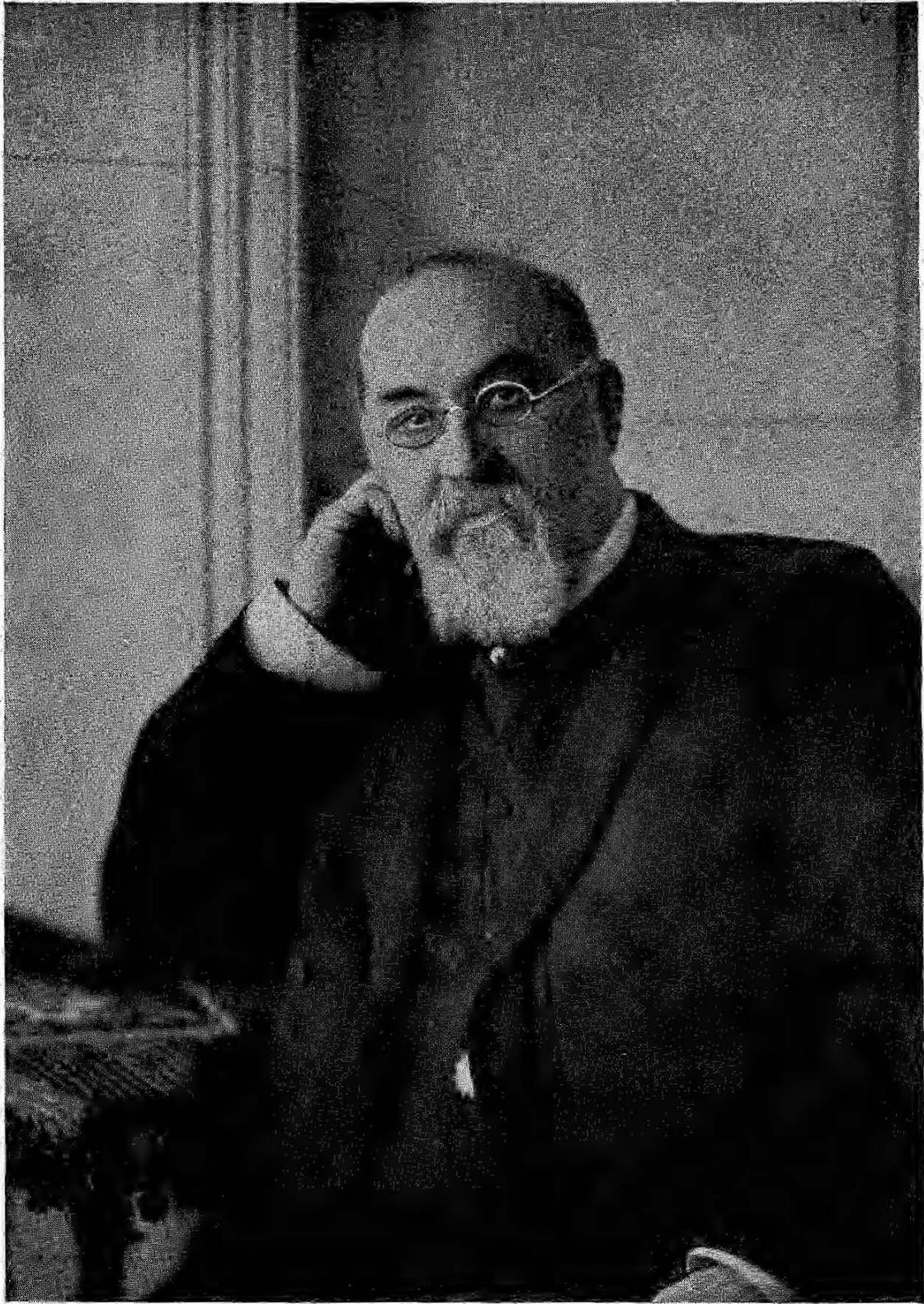
Прижизненность раненій имѣется на лицо, но въ различной степени. Это происходитъ отъ того, что одни поврежденія нанесены были при достаточно полной дѣятельности сердца, а другія, наоборотъ, когда дѣятельность сердца была очень слабой. Поэтому и сами признаки прижизненности выражены слабо. Но въ общемъ всѣ поврежденія носятъ характеръ прижизненности и ни объ одномъ изъ нихъ нельзя сказать, чтобы оно было нанесено тогда, когда Ющинскій умеръ.

2) Какія изъ этихъ поврежденій являются безусловно смертельными?

Изъ всѣхъ поврежденій, имѣющихся на тѣлѣ, число которыхъ достигаетъ почти 50-ти, только одно поврежденіе можетъ считаться безусловно смертельнымъ, это именно рана сердца. Въ области сердца было нѣсколько раненій, но нѣкоторыя изъ нихъ поверхностныя, не проникающія въ сердце, и только одна изъ ранъ проникла въ правый желудочекъ совершенно насквозь, такъ что стѣнки сердца или желудочка были повреждены. Такое поврежденіе мы, судебные врачи, считаемъ безусловно смертельнымъ. Относительно этихъ двухъ пунктовъ я долженъ сказать, что и коллега проф. Кадьянъ присоединяется къ нашему мнѣнію. При особомъ мнѣніи остался только экспертъ Павловъ.

3) Какія именно поврежденія явились непосредственной причиной смерти Ющинскаго?

Собственно, ни одно изъ поврежденій въ частности не было причиной смерти, даже хотя бы ближайшей причиной, а смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ раненій, при чемъ нѣкоторыя изъ поврежденій имѣютъ большее значеніе по своей опасности, какъ на примѣръ рана въ сердцѣ, чѣмъ другія, которыя представляются весьма поверхностными и, собственно говоря,

J. Rogerson

даже неопасными. Въ сущности нельзя сказать, чтобы одно изъ поврежденій или два поврежденія были причиной смерти. Смерть послѣдовала отъ совокупности всѣхъ поврежденій и даже, можно сказать, и отъ вліянія нѣкоторыхъ другихъ условій. Помимо поврежденій имѣется, на примѣръ, явленіе задушенія, которое несомнѣнно въ данномъ случаѣ вліяло на наступленіе смертельнаго исхода, но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

4) Въ какой послѣдовательности наносились Ющинскому поврежденія?

Признаки прижизненности поврежденій характеризуются признаками наибольшаго кровотеченія. Наиболѣе сильныя явленія кровотеченія, несомнѣнно, болѣе всего выражены на поврежденіяхъ головы и шеи. Поэтому можно сказать, что поврежденія головы и шеи нанесены первыми по времени. Что касается поврежденій туловища, т. е. поврежденій груди, спины и живота, то эти поврежденія носятъ меньше характеръ прижизненности и, можно сказать, отдалены довольно порядочнымъ промежуткомъ времени отъ поврежденій, которыя наносились въ голову Ющинскому. Такъ что первыми были поврежденія головы или шеи, а затѣмъ уже идутъ поврежденія туловища, которыя можно считать послѣдними.

Была ли на головѣ Ющинскаго фуражка во время причиненія ранъ въ голову и какихъ именно?

Относительно фуражки можно сказать, сравнительно съ поврежденіями черепа, на которомъ имѣется много слѣдовъ крови, что на фуражкѣ ихъ имѣется меньше. При примѣркѣ фуражки мы пришли къ заключенію, что нѣтъ основаній предполагать, что фуражка была надѣта какимъ-нибудь особымъ образомъ. Несомнѣнно, первыя поврежденія были нанесены Ющинскому тогда, когда онъ былъ въ фуражкѣ. На примѣръ: одно изъ этихъ поврежденій, находящееся на вершинѣ темени и давшее довольно порядочное кровотеченіе, было нанесено Ющинскому, тогда, когда онъ былъ еще въ фуражкѣ. Впослѣдствіи она была сброшена; во всякомъ случаѣ, другія поврежденія были нанесены уже тогда, когда фуражки на головѣ Ющинскаго не было.

Если первыя раненія нанесены въ голову, то не было ли потери сознанія и какъ скоро она наступила?

Всѣ поврежденія, которыя были сдѣланы на головѣ Ющинскаго, за исключеніемъ только одного, довольно поверхностны. Кости черепа были очень тонкія и если имѣть въ виду по-

вреждающее орудіе—шило, то надо придти къ заключенію, что удары этимъ шиломъ наносились не очень сильныя, потому что поврежденія, за исключеніемъ одного, совершенно не затронули мозга или его оболочки, а только проникали, и то не всѣ, мѣстами, до внутренней пластинки. Слѣдовательно, тутъ были маленькіе выступы на внутренней пластинкѣ, съ внутренней поверхности черепа, были маленькіе отколы, но большихъ повреждений не было, за исключеніемъ одного, которое я считаю происшедшимъ отъ довольно сильнаго удара и которое было нанесено сравнительно поздно, не въ первый моментъ, потому что кровоизліяніе, происшедшее отъ него, было очень незначительное. На основаніи этого я долженъ сказать, что отъ этихъ повреждений ни потери сознанія, ни сотрясенія мозга, ни изліянія крови въ черепной мозгъ, которое давило бы на мозгъ, не было и нѣтъ основаній думать, что Ющинскій отъ первыхъ ударовъ по головѣ швайкою потерялъ сознаніе. Мы въ практикѣ судебной медицины можемъ привести подобные случаи не только какъ исключительныя, но сплошь и рядомъ мы наблюдаемъ такія явленія, что лица даже съ обломаннымъ клинкомъ ножа въ черепѣ не обращаются за врачебной помощью, въ сущности не чувствуютъ боли, и рана заживаетъ. Когда затѣмъ случайно вскрываешь трупъ, то видишь, что торчитъ клинокъ ножа. Такіе случаи бываютъ. Это приводитъ къ заключенію, что раны головы, нанесенныя не очень сильными ударами и не сопровождавшіяся большими осложненіями, не служили причиной потери сознанія.

Каковъ промежутокъ времени между первымъ раненіемъ и смертью?

Другими словами, какъ скоро послѣдовала смерть Ющинскаго послѣ начала нанесенія ему повреждений? Этотъ промежутокъ времени всѣ эксперты опредѣлили приблизительно въ $1\frac{1}{4}$ часа. Это согласуется вполне съ мнѣніемъ профессора Оболонскаго, при чемъ могу сказать, что $\frac{1}{4}$ часа, судя по затекамъ, которые имѣются на трупѣ, я считаю скорѣе минимальнымъ, чѣмъ крайне большимъ срокомъ. Такъ что можетъ быть и нѣсколько больше, но во всякомъ случаѣ въ среднемъ можно думать, что въ теченіе $\frac{1}{4}$ часа были наносимы поврежденія, прежде чѣмъ наступила смерть.

б) Какимъ орудіемъ причинены Ющинскому поврежденія, однимъ и тѣмъ же или разными, и могли ли

быть такими орудіями имѣющіяся при дѣлѣ швайки и какія именно?

Я нахожу, что наиболѣе подходящей является швайка, доставленная изъ Университета. Она представляетъ собою швайку съ обломаннымъ концомъ и потомъ заточенную на подобіе долота. Этой швайкой можно нанести всѣ поврежденія, но я долженъ сказать, что не исключена возможность нанесенія болѣе крупныхъ поврежденій швайкой, которая имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ ромбическую форму. Это не отрицается. Мы приходимъ къ убѣжденію, что всѣ поврежденія могли быть нанесены подобнымъ орудіемъ, при чемъ наиболѣе подходящимъ является швайка, которая сломана и заточена въ видѣ долота. Въ этомъ согласны всѣ эксперты.

6) Причинена ли смерть Ющинскому насильственными дѣйствіями одного или нѣсколькихъ лицъ, и сколько приблизительно; сколько времени таковыя дѣйствія продолжались?

Относительно времени я уже сказалъ, что приблизительно $\frac{1}{4}$ часа, что же касается числа лицъ, то, по единогласному заключенію экспертовъ, ихъ было нѣсколько и, во всякомъ случаѣ, не менѣе двухъ, потому что тутъ были очень сложныя манипуляціи съ Ющинскимъ. Его надо было поддерживать, зажимать ротъ, держать въ вертикальномъ положеніи, затѣмъ дальше и самый переносъ трупа въ пещеру, не оставившій слѣдовъ въ видѣ царапинъ при влеченіи по скользкимъ неровностямъ, заставляютъ предполагать, что какъ убійство, такъ и несеніе въ пещеру было совершено не однимъ человѣкомъ, а по крайней мѣрѣ двумя. Въ этомъ согласны всѣ эксперты.

7) Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому мучительными страданіями?

Безъ всякаго сомнѣнія. Ющинскому было нанесено множество поврежденій, около 50 различныхъ ранъ. Такъ какъ я сказалъ, что удары въ голову, которые наносились первыми и удары въ шею не могли привести къ потерѣ сознанія и такъ какъ имѣются слѣды другого вида насилія, именно задушенія, которое не обусловливаетъ моментальной потери сознанія, то несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, первые жестокіе удары сопровождались мучительнымъ ощущеніемъ. Самое душеніе чловѣка относится къ операціямъ мучительнымъ, но, кромѣ душенія, несомнѣнно часть этихъ ударовъ въ голову сопровожда-

лась очень сильными болѣзненными ощущеніями Ющинскаго. Затѣмъ долженъ сказать, что и безсознательное состояніе можетъ до нѣкоторой степени прерываться, человѣкъ можетъ пробуждаться отъ безсознательнаго состоянія подѣ влияніемъ боли. Всѣмъ извѣстно, что если человѣкъ находится въ обморокѣ, то ему даютъ нюхать нашатырный спиртъ; это, конечно, не есть причиненіе боли, а только раздраженіе, но человѣкъ приходитъ въ себя. Кромѣ того въ старину, если дѣло шло о мнимо-умершемъ, относительно котораго нельзя было рѣшить, живъ ли онъ или мертвъ, практиковался способъ прижиганія каленымъ желѣзомъ подошвы. Это рѣшительный способъ: если человѣкъ отъ этого не просыпался, то, безъ сомнѣнія, онъ былъ мертвъ. Словомъ, изъ всего этого можно заключить, что боль есть такое условіе, при которомъ даже человѣкъ, находящійся въ безсознательномъ состояніи, хотя бы на минуту приходитъ въ себя, чтобы ощутить жестокою боль. Такимъ образомъ, я говорю, что всѣ поврежденія, которыя были нанесены Ющинскому, они сопровождались безъ сомнѣнія мучительными страданіями.

8) Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому обезкровленіемъ его тѣла?

Относительно обезкровленія имѣются несомнѣнныя анатомическія явленія, которыя указываютъ, что Ющинскій потерялъ очень много крови. Эти явленія суть слѣдующія: мы считаемъ признаками смерти отъ истеченія крови, во-первыхъ,—блѣдность внутреннихъ органовъ, этотъ признакъ у насъ въ нѣкоторыхъ частяхъ условный; затѣмъ, во-вторыхъ,—очень малое количество трупныхъ пятенъ; если трупныхъ пятенъ совсѣмъ нѣтъ, это считается высокою степенью малокровія, и, наконецъ, въ-третьихъ,—состояніе сердца, такъ называемое пустое сердце, хотя, конечно, не абсолютно пустое, но содержащее очень мало крови. Какъ извѣстно, на трупѣ Ющинскаго было обнаружено полное отсутствіе трупныхъ пятенъ, слѣдовательно крови, которая могла бы образовать эти пятна, не было въ достаточномъ количествѣ. Что касается сердца, то я обращаю также ваше вниманіе на технику вскрытія сердца. У насъ въ судебной медицинѣ для вскрытія трупа существуютъ извѣстныя правила, по которымъ всегда предписывается врачу передъ извлеченіемъ сердца отмѣчать, сколько заключается крови въ сердечной сумкѣ, въ мѣшкѣ, который надо разрѣзать до вскрытія сердца. Въ этотъ мѣшокъ при поврежденіи вливается кровь

какъ изъ сердца, такъ равнымъ образомъ и изъ кровеносныхъ сосудовъ, которые отходятъ и приходятъ къ сердцу. Въ этомъ отношеніи при изслѣдованіи сердца Ющинскаго описаны его поврежденія и далѣе говорится, что было всего 2 чайныхъ ложки густо окрашенной кровью жидкости. Вотъ все, что заключало сердце Ющинскаго! Чтобы это было болѣе наглядно, я долженъ припомнить вамъ протоколъ вскрытія Жени Чеберяка. Женья Чеберякъ страдалъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль изнурительной болѣзью, кровавымъ поносомъ. Онъ потерялъ много крови, много кровяной жидкости, слѣдовательно въ тѣлѣ его оставалось сравнительно уменьшенное количество крови. И что же вы видите при вскрытіи: въ сердечной сумкѣ найдена прежде всего столовая ложка жидкости янтарнаго цвѣта. Въ одной половинѣ сердца столовая ложка крови, а въ другой — половина столовой ложки; затѣмъ, сердце было наполнено свертками крови. Слѣдовательно, у Жени Чеберяка, несмотря на кровавый поносъ, оказалось нѣсколько столовыхъ ложекъ крови, а здѣсь всего двѣ чайныхъ ложки. При вскрытіи сердца, которое здѣсь можетъ быть показано, оно было сейчасъ же фиксировано формалиномъ и вы можете видѣть, что тамъ въ полостяхъ сердца осталось всего два маленькихъ сверточка крови величиной въ горошину; вотъ вамъ вся кровь Ющинскаго. Имѣется еще одинъ признакъ: сердце прижизненно проколото насквозь и при такихъ условіяхъ обыкновенно если въ сердцѣ есть кровь, то она выдавливается въ сердечную сумку и мы находимъ область сердечной сумки полную крови. Здѣсь ничего подобнаго нѣтъ и эксперты приходятъ къ заключенію, что Ющинскій безусловно въ весьма значительной степени былъ лишенъ крови. Мы считаемъ потерю половины крови смертельной для человѣка. Животное иногда можетъ терять и больше половины крови и остается жить, но человѣкъ обыкновенно послѣ потери половины крови умираетъ. Данныя, полученныя вскрытіемъ, не препятствуютъ придти къ заключенію, къ которому пришелъ профессоръ Оболенскій, что Ющинскій, можетъ быть, потерялъ и больше половины своей крови. Переведа это на цифры и имѣя въ виду извѣстныя таблицы, по которымъ мальчикъ 13-лѣтняго возраста имѣетъ опредѣленный вѣсъ тѣла, и затѣмъ дальше учитывая соотношеніе вѣса тѣла къ крови, мы утверждаемъ, что въ тѣлѣ Ющинскаго было приблизительно $2\frac{1}{2}$ килограмма крови, а потеря крови равнялась $1\frac{1}{4}$ или $1\frac{1}{2}$

килограмма, что составляет 3 фунта или пять стакановъ. Вотъ сколько было потеряно крови. Я долженъ сказать, что на тѣлѣ Ющинскаго и на бѣлѣ, по сравненію съ потерей крови, найдено весьма незначительное ея количество. Значить, кровь куда-то пропала, можетъ быть ушла въ окружающую обстановку, во всякомъ случаѣ неизвѣстно куда. Что касается слѣдующаго вопроса, то онъ дополняетъ предыдущій.

9) Даютъ ли данныя судебно-медицинскаго вскрытія основаніе считать причиною смерти Ющинскаго обезкровленіе?

На тѣлѣ Ющинскаго имѣются признаки двухъ видовъ насилія: во-первыхъ — раны и во-вторыхъ — признаки задушенія. Что касается душенія, то оно производилось все-таки довольно долго. Были закрыты дыхательные пути снаружи: отверстія носа и рта, такъ что дышать нельзя было. Это ведетъ къ тому, что развиваются явленія удушенія, которыя мы раздѣляемъ на четыре періода. Продолжительность всего такого задушенія въ среднемъ равняется отъ 5 до 10 минутъ. По даннымъ вскрытія, по тому, что у Ющинскаго найдено кровоизліяніе на слизистой оболочкѣ вѣкъ и по тому, что у него несомнѣнно было изверженіе мочи, можно сказать, что задушеніе было доведено по крайней мѣрѣ до второго періода, когда появляются судороги всего тѣла и наступаетъ потеря сознанія, что обыкновенно относится приблизительно къ 2 минутамъ времени. Слѣдовательно, по анатомическимъ даннымъ мы можемъ сказать, что задушеніе было доведено до извѣстнаго предѣла, но нѣтъ никакого основанія думать, что оно окончилось смертью, потому что, во-первыхъ, — задушеніе кончается смертью раньше, чѣмъ тотъ срокъ, который опредѣлили эксперты — $\frac{1}{4}$ часа — а затѣмъ потому, что асфиксія или задушеніе характеризуется такими анатомическими данными, которыя несомнѣнно въ данномъ случаѣ дали бы намъ основаніе говорить, что смерть наступила именно отъ задушенія. Задушеніе здѣсь могло имѣть другое значеніе, а именно: если человекъ душитъ, тогда лицо у него синѣетъ, жилы напрягаются, становятся замѣтными всѣ вены и если поранить венозный сосудъ, то кровь бьетъ фонтаномъ. Такъ что, собственно говоря, внѣ задушенія нельзя получить никоимъ образомъ такого количества крови, какое можно получить при задушеніи. Такъ что задушеніе въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, способствовало обильной потерѣ крови, но ближай-

шей причиной смерти, по анатомическимъ даннымъ, можно считать только большую потерю крови, половину или больше половины всей массы крови.

10) Если изъ тѣла Ющинскаго была выточена и собрана кровь, то изъ какихъ раненій возможно было удобнѣе собрать ее, при какомъ положеніи тѣла, какая эта кровь, венозная или артеріальная?

На этотъ вопросъ опредѣленнаго и точнаго отвѣта дать нельзя, можно сказать лишь слѣдующее: несомнѣнно, артеріальное кровотеченіе было; раненіе, которое сдѣлано на лѣвомъ вискѣ, дало фонтанъ въ видѣ брызгъ; очевидно, это пораненіе артеріальной вѣточки. На вершинѣ темени была пробита пазуха мозга, которая дала порядочное кровотеченіе, но нельзя сказать, чтобы эти кровотечения, какъ то, такъ и другое, могли быть чрезмѣрно обильными. Я лично придаю большое значеніе поврежденіямъ шейной области, но, къ сожалѣнію, эта шейная область была недостаточно изслѣдована. На правой сторонѣ шеи имѣлось четыре укола, какъ бы щелевидныхъ надрѣза, которые расположены въ области, очень богатой сосудами. Одинъ изъ этихъ уколовъ, несомнѣнно, попалъ глубоко и ранилъ артеріальную вѣтку, обусловивъ обильное кровотеченіе, которое проникло позади за дыхательными органами далеко въглубь ткани. Такъ какъ были и другіе уколы, то это не противорѣчитъ тому, что могла быть ранена и вена, которыхъ здѣсь очень много. Поэтому я считаю, что эта область могла послужить обильнымъ источникомъ для кровотечения. Если предполагать, что имѣлось намѣреніе получать кровь, то вѣроятнѣе всего, что отсюда можно было добыть, въ особенности при появленіяхъ задушенія, очень много крови. Это соотвѣтствуетъ и тому, что на передней поверхности сорочки имѣются большія помарки крови. Дѣло въ томъ, что эта область, какъ я уже сказалъ, была плохо изслѣдована. Въ первомъ протоколѣ сказано, что артерія была повреждена, а о венахъ ничего не сказано. Очевидно, что изслѣдованіе это производилось поверхностно, но по анатомическому положенію я полагаю, что именно отсюда можно было получить очень много крови.

11) Даютъ ли основаніе какъ самый характеръ, такъ и расположеніе поврежденій заключить, что посредствомъ ихъ можно было удобнѣе или болѣе всего добыть кровь?

Собственно на этотъ вопросъ можно отвѣтить въ связи съ другимъ вопросомъ, гдѣ говорится между прочимъ о томъ, не обладали ли лица, наносившія поврежденія, какими-нибудь познаніями по анатоміи. Нужно сказать, что кровотеченіе произведено такимъ образомъ, что нельзя въ этомъ усмотрѣть особаго искусства. Безъ всякаго сомнѣнія, анатомическія познанія лицъ, его производившихъ, были крайне неудовлетворительны. Спросите экспертовъ-хирурговъ, и они скажутъ вамъ, какъ можно это сдѣлать идеально-просто и, не причиняя побочныхъ поврежденій, получить большое количество крови. Но дѣло не въ этомъ, а въ самомъ фактѣ. Вы знаете, конечно, что есть прямо профессиональные операторы, которые производятъ разныя операціи не хирургическимъ способомъ. Я скажу вамъ о скопцахъ: ѣздятъ же такіе гастролеры по разнымъ мѣстамъ, производятъ оскопленіе грубо, скверно, не по правиламъ хирургіи; можно лучше, искуснѣй это сдѣлать, но все-таки они цѣли своей достигаютъ. Дѣло совсѣмъ не въ томъ, какъ сдѣлать, а чтобы цѣль была достигнута. И въ данномъ случаѣ можно сказать, что операція произведена была не по правиламъ медицины, можно было сдѣлать ее лучше, но вы видите, что выпущено больше половины крови или во всякомъ случаѣ половина, слѣдовательно этотъ способъ, можно сказать, не заслуживающій одобренія, тѣмъ не менѣе привелъ фактически къ цѣли.

12) Какое приблизительно количество крови вытекло изъ тѣла Ющинскаго и какое приблизительно количество крови оказалось на бѣльѣ и одеждѣ его?

На этотъ вопросъ я уже отвѣчалъ. Мы, эксперты, опредѣлили, что приблизительно вытекла половина или болѣе половины всей крови и на бѣльѣ ея осталось очень немного.

13) Свидѣтельствуется ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе о томъ, что причиненіе мученій и обезкровленіе Ющинскаго входило въ планъ, намѣченный убійцами?

Въ этомъ отношеніи я и Туфановъ даемъ положительный отвѣтъ, потому что какъ же иначе объяснить искалываніе всего мальчика? Для чего нанести ему около 50 колотыхъ ранъ? Безъ всякаго сомнѣнія, человекъ, который не желалъ причинять мученія, не сдѣлалъ бы ихъ. Что касается обезкровленія или полученія крови, то это намѣреніе указываютъ мѣста, на которыя

были направлены насилія. Есть такія мѣста, которыя очень богаты кровью и которыя общеизвѣстны. Напримѣръ: каждой кухаркѣ извѣстно, что поросенка рѣжутъ подѣ мышкой ножомъ. Всякую птицу и животныхъ убиваютъ разрѣзомъ шеи, слѣдовательно подѣ мышками и на шеѣ есть такія жилы, которыя содержатъ кровь. Наконецъ, есть такія мѣста, на которыхъ эти жилы видны. Напримѣръ, у дѣтей, сквозь тонкую дѣтскую кожу, просвѣчиваютъ эти синія жилы на лбу и на вискахъ. Такимъ образомъ, кто желаетъ получить кровь, можетъ уколоть въ такую жилу и кровотеченіе готово. Здѣсь какъ разъ имѣются поврежденія, направленные на область висковъ и кромѣ того на область шеи, гдѣ можно видѣть бѣеніе артерій у всякаго человѣка. Стоитъ только приложить палецъ, и вы чувствуете, какъ бьется артерія. Это приѣмъ очень несложный и извѣстенъ всякому, даже незнакому съ анатоміей, изъ повседневнаго опыта и наблюденія. Вотъ на правомъ вискѣ было 13 уколовъ и нанесены были эти уколы такъ, что они не дали значительнаго кровотеченія, зато на другомъ вискѣ уколъ былъ сдѣланъ одинъ, но такимъ образомъ, что сразу получился фонтанъ крови. И посмотрите, тутъ другихъ уколовъ нѣтъ. Если вообще человѣкъ желалъ колоть виски, то почему же тамъ, гдѣ не удалось добыть много крови, кололи такъ много, а здѣсь всего одинъ уколъ, который далъ фонтанъ крови. Этотъ уколъ былъ направленъ на область сосудовъ, въ самую глубь ткани и получилось большое кровотеченіе. Слѣдовательно, произвести кровотеченіе, несомнѣнно, входило въ цѣль того, кто наносилъ поврежденія. Нанесеніе поврежденій на темени является, по моему мнѣнію, случайнымъ, но височное кровотеченіе и шейное совсѣмъ не случайныя. Затѣмъ имѣются удары подѣ мышку, но нужно сказать, что изъ этихъ ударовъ ничего не воспослѣдовало, такъ какъ они были нанесены въ самые послѣдніе моменты жизни. Такимъ образомъ вы видите, что на правомъ вискѣ и на шеѣ нанесено много уколовъ, а на лѣвомъ вискѣ всего одно поврежденіе, которое дало фонтанъ крови. На этомъ остановились операторы, которые не пожелали дальше колоть високъ. Само орудіе, которое было употреблено для нанесенія ударовъ, оно пригодно только для того, чтобы колоть и мучить. Это не есть типичное орудіе для убійства. Если хотѣли убить мальчика, то могли бы для этого взять все, что угодно, хоть камень, имъ ударить по головѣ ребенка— и тотъ мертвъ. Наконецъ, если орудіемъ убійства было бы шило

и желали бы имъ убить Ющинскаго, то могли бы вонзить его въ сердце, что и сдѣлали въ концѣ концовъ, но не сдѣлали этого раньше. Слѣдовательно, не убійство являлось цѣлью, а другое—истыкать ребенка, причиняя ему мученія и притомъ въ такія привычныя мѣста, которыя даютъ кровь.

14) Свидѣтельствуя ли какъ расположеніе, такъ и характеръ ранъ на тѣлѣ Ющинскаго о познаніяхъ въ анатоміи человѣческаго тѣла со стороны лицъ, ихъ нанесившихъ?

На этотъ вопросъ я уже отвѣтилъ, что операторы или убійцы познаній анатомическихъ не обнаружили.

15) Было ли связываніе рукъ Ющинскаго прижизненнымъ или посмертнымъ?

Въ этомъ вопросѣ я измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе на основаніи непосредственнаго осмотра рубашки. Меня, какъ вѣроятно и проф. Оболонскаго, ввело въ заблужденіе замѣчаніе, которое сдѣлано было докторомъ Карпинскимъ при первомъ вскрытіи, о томъ, что кисти рукъ были опухшія. Если бы это дѣйствительно было, тогда нельзя было бы сомнѣваться въ томъ, что это было сдѣлано прижизненно, но при второмъ вскрытіи проф. Оболонскій говоритъ только о посинѣвшихъ ногтяхъ, а опухоли не отмѣчаетъ. Здѣсь имѣются препараты, которые взяты прямо изъ предплечія и тамъ можно видѣть, что борозды, которыя происходятъ отъ веревки, не перервали кровеносныхъ сосудовъ, которые тамъ находятся. Кромѣ того, если взять сорочку и представить себѣ, что руки были прежде всего связаны, тогда потоки крови должны были бы останавливаться на рубахѣ. Но этого не было и рукава рубахи не замараны кровью. Наоборотъ, тутъ именно имѣются помарки, которыя свидѣлствуютъ, что въ первое время при нанесеніи поврежденій руки находились на поверхности тѣла. Такъ что непосредственный осмотръ сорочки и бороздъ отъ веревки, которыя были на рукахъ, приводитъ насъ всѣхъ къ заключенію, что руки были связаны посмертно и что этого не было во всякомъ случаѣ сдѣлано на первыхъ порахъ.

16) Черезъ сколько времени послѣ принятія пищи послѣдовала смерть Ющинскаго?

Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ данныя о состояніи его желудка. Въ желудкѣ его были найдены: непереваренный картофель и куски свеклы. Поэтому можно сказать, что смерть по-

слѣдовала приблизительно черезъ четыре часа послѣ принятія пищи.

17) Принесенъ ли трупъ въ пещеру, гдѣ былъ обнаруженъ, и, въ утвердительномъ случаѣ, на чемъ основывается такой выводъ?

Мы пришли къ заключенію главнымъ образомъ на основаніи осмотра пещеры, на основаніи осмотра куртки, платья, бѣлья и т. д., что убійство совершено въ другомъ мѣстѣ, а не въ этой пещерѣ, гдѣ нѣсколькимъ людямъ трудно манипулировать, трудно обращаться съ трупомъ. Какъ извѣстно, въ пещерѣ не найдено никакихъ слѣдовъ крови. Если бы убійство было совершено тамъ, то, несомнѣнно, на глинѣ и вездѣ можно было бы обнаружить кровь, даже несмотря на то, что она впитывается. Далѣе, имѣется еще одно обстоятельство относительно мѣста убійства: на курткѣ и на бѣльѣ имѣются помарки глины и крови, расположенныя иногда такимъ образомъ, что, напримеръ, глина совершенно пропитана кровью, какъ будто на глину попала свѣжая кровь, которая еще не высохла и могла пропитать глину, а потомъ была нанесена на трупъ. Есть мѣста, гдѣ глина и совсѣмъ покрыта кровью. На основаніи этого мы пришли къ убѣжденію, что убійство совершалось въ мѣстѣ, гдѣ есть глина. Свѣжая кровь покрывала эту глину и въ нее впитывалась. По обстоятельствамъ дѣла, мы приходимъ къ заключенію, что убійство въ жиломъ помѣщеніи мы можемъ исключить. Даже тотъ фактъ, что Ющинскій оказался въ фуражкѣ при первыхъ ударахъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ на вольномъ воздухѣ, такъ какъ, входя въ комнату, фуражку снимаютъ. Вотъ это обстоятельство и затѣмъ присутствіе окровавленной глины указываетъ на то, что преступленіе совершено въ другомъ помѣщеніи, можетъ быть въ другой пещерѣ, болѣе свободной. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи экспертиза можетъ дать только слѣдующія указанія на обстоятельства совершенія преступленія: глина, шапка и нѣсколько человѣкъ.

18) Черезъ сколько приблизительно времени послѣ причиненія смерти трупъ Ющинскаго былъ перенесенъ въ пещеру, если убійство было совершено въ другомъ мѣстѣ?

Для разрѣшенія этого вопроса не имѣется особенно точныхъ данныхъ, можно только сказать, что трупъ былъ перенесенъ послѣ того, какъ кровь засохла, потому что при манипуляціяхъ

съ трупомъ, если бы кровь не высохла, были бы размазанныя помарки крови, а между тѣмъ на рубахѣ имѣются помарки крови, совершенно не размазанныя. Поэтому надо думать, что, когда переносили трупъ, кровь была засохшая, а засыханіе крови подъ дѣйствіемъ воздуха происходитъ въ полусуточный срокъ. Конечно, это еще зависитъ отъ многихъ условій,—и отъ толщины слоя крови, и отъ толщины тряпки, и отъ температуры воздуха, и отъ движенія воздуха, и отъ влажности его,—но вообще нужно сказать, что обыкновенно, если, напримѣръ, окровавленное полотно, не толстое, оставить сохнуть, то черезъ полъ-сутокъ оно высохнетъ.

19) Когда наступаетъ окоченѣніе трупа и когда проходитъ такое состояніе?

Относительно трупнаго окоченѣнія имѣются точныя наблюденія. Окоченѣніе наступаетъ въ первую четверть сутокъ, т. е. уже въ первые шесть часовъ послѣ смерти наступаетъ затвердѣніе шейныхъ мышцъ и постепенно окоченѣніе распространяется на все тѣло, т. е. начинается коченѣть туловище, руки и ноги. Такъ что окоченѣніе идетъ съ головы до пятокъ и постепенно трупъ, отвердѣвая, обращается въ неподвижную массу, довольно крѣпкую, которую сгибать нельзя и которая встываетъ въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ послѣдовала смерть. Начинается окоченѣніе, какъ я уже сказалъ, съ первой четверти сутокъ, а заканчивается къ половинѣ, къ концу сутокъ. Окоченѣніе всего тѣла получается къ концу первыхъ сутокъ, иногда раньше, и остается приблизительно двое сутокъ, а затѣмъ могутъ наступить признаки разложенія, т. е. трупъ начинаетъ дѣлаться болѣе мягкимъ, сначала шея, туловище, руки и наконецъ послѣдними—ноги. Это размягченіе заканчивается въ теченіе трехъ-четырехъ сутокъ. Но отъ этого типа существуетъ нѣкоторое уклоненіе и особенно въ данномъ случаѣ. Во-первыхъ, трупъ былъ малокровенъ, а такіе трупы окоченѣваютъ скоро и окоченѣніе держится дольше; во-вторыхъ—температура окружающаго воздуха была довольно низкая, и мы безусловно увѣрены, что трупъ долгое время находился на холоду, такъ какъ смерть Ющинскаго, какъ можно судить по желудочному содержимому, относится къ 12 марта, а при нахожденіи его болѣе чѣмъ черезъ недѣлю онъ оказался совершенно свѣжимъ. Такъ что, несомнѣнно, онъ ни въ коемъ случаѣ не находился въ жиломъ помѣщеніи, а находился гдѣ-то въ холод-

номъ помѣщеніи на воздухѣ, температура котораго соотвѣтствовала данной температурѣ изъ метеорологической станціи. Стало быть здѣсь окоченіе могло держаться очень долго.

20) Если трупъ Ющинскаго былъ перенесенъ въ пещеру, то въ состояніи ли окоченія или по прекращенію такового?

Принимая во вниманіе, что въ данномъ случаѣ трупъ сохранился при низкой температурѣ, что такіе трупы окоченѣваютъ сильно и что окоченіе могло держаться долго, можно думать, что онъ принесенъ въ пещеру окоченѣлымъ.

21) Были ли потеки крови на трупѣ Ющинскаго и не былъ ли трупъ его обмытъ послѣ нанесенія ранъ?

Относительно этого вопроса никакихъ опредѣленныхъ данныхъ въ обстоятельствахъ дѣла не имѣется. Мы имѣемъ только указаніе на то, что при первомъ осмотрѣ трупа у пещеры лицо его было запачкано кровью. Такъ что въ этомъ отношеніи эксперты высказаться не могутъ.

22) Какъ скоро засыхаетъ кровь на ткани въ мѣстахъ, незащищенныхъ отъ дѣйствія воздуха?

Я уже докладывалъ, что мы пришли къ заключенію, что для этого, при обычныхъ условіяхъ, потребуется полусуточный срокъ.

23) Когда и при какихъ обстоятельствахъ могли получиться на курткѣ убитаго глиняныя помарки и кровавыя пятна, бывшія предметомъ химико-микроскопическаго изслѣдованія?

Въ разное время. Глина и листья, найденные на подпитанникахъ Ющинскаго, несомнѣнно, поздняго происхожденія и могли пристать при стаскиваніи трупа въ пещеру, на мѣстѣ, гдѣ листьевъ много. Что касается куртки, то на ней есть глина, которая попала на кровь, такъ что сверху чистая глина, а внизу засохшая кровь. Эта глина, очевидно, могла попасть какъ на мѣстѣ преступленія, такъ равно и въ пещерѣ, но есть глиняныя помарки, пропитанныя кровью, а также и такія, которыя покрыты засохшей кровью. Онѣ относятся къ мѣсту преступленія.

Болѣе подробныя соображенія о глинѣ и о смѣшиваніи ея съ кровью проф. Косоротовъ привелъ, когда возражалъ проф. Павлову и Кадьяну. Эти соображенія пришлось изложить ранѣе, уже въ фактической части (стр. 136).

На вопросы сторонъ проф. Косоротовъ пояснилъ, что при началѣ убійства мальчикъ былъ въ курткѣ и рубашкѣ. Куртку съ него сняли послѣ удара въ лѣвый високъ, какъ это видно по брызгамъ крови на курткѣ. Затѣмъ, при нанесеніи шейныхъ ранъ, отвернули воротъ рубахи, какъ это опять-таки видно изъ кровяныхъ на ней потековъ. Нанося удары въ сердце, рубашку приподнимали, что усматривается изъ отсутствія въ соответствующихъ мѣстахъ проколовъ на рубашкѣ. Мальчикъ, несомнѣнно, пробовалъ вначалѣ сопротивляться: это указываютъ обнаруженные на немъ ссадины, слѣды ногтей на лбу. Сознаніе Ющинскій потерялъ не сразу, а лишь тогда, когда было задушеніе, поэтому по крайней мѣрѣ первые удары въ голову были для него, конечно, очень болѣзненны и мучительны. Главною цѣлью убійцы мучительство не являлось, но все же оно было. Если бы убійцы хотѣли именно мучить, то они могли бы щипать, выламывать суставы, колоть подъ ногти и т. под. Этого не производилось, но тѣмъ не менѣе причиненные мальчику уколы очень мучительны, главная же цѣль—убить посредствомъ источенія крови. Такимъ образомъ, это не простое убійство, котораго можно было бы достигнуть сразу, ударивъ мальчика шиломъ въ сердце или даже кулакомъ по головѣ. Раны, причиненныя мальчику, нельзя, строго говоря, считать, съ точки зрѣнія медицинской, «колотыми», т. е. нанесенными колющимъ орудіемъ. Колющее орудіе такое, которое имѣетъ форму длиннаго конуса, а здѣсь у ранъ совершенно круглыя и небольшія отверстія, такъ что, несомнѣнно, швайка была заострена на подобіе долота и это долото имѣло маленькое рѣжущее протяженіе. Въ медицинѣ такое орудіе называютъ колюще-рѣжущимъ орудіемъ и при нанесеніи имъ ранъ, при надавливаніи, несомнѣнно, происходилъ проколъ и кромѣ того разрѣзъ. Такимъ орудіемъ преступникъ могъ произвести поврежденіе кровеносныхъ сосудовъ гораздо успѣшнѣе и скорѣе, чѣмъ обыкновенной швайкой съ незаостреннымъ концомъ.

III.

Заключеніе проф. Павлова и Кадыяна.

Моимъ предшественникомъ было указано,—заявилъ суду допрошенный послѣ проф. Косоротова проф. Павловъ,—что я и проф. Кадыянъ, при обсужденіи причинъ смерти Ющинскаго, разошлись съ нимъ во взглядахъ. Я, какъ хирургъ, также, какъ проф. Кадыянъ, мы имѣемъ свой опытъ, и довольно большой, на что указываетъ наша сѣдина и то положеніе, которое мы занимаемъ въ обществѣ и ученое мѣсто. Мы работаемъ, главнымъ образомъ, надъ живыми людьми, между тѣмъ какъ профессоръ, имѣющіе дѣло съ судебно-медицинскими вскрытіями, работаютъ надъ явленіями, которыя оказываются уже на секціонномъ столѣ анатомическаго театра. Вотъ почему заключенія, даваемые этими специалистами, оказались не въ полномъ соотвѣтствіи съ нашими.

Приступимъ къ разсмотрѣнію поставленныхъ намъ вопросовъ.

1) Всѣ ли обнаруженныя на трупѣ Ющинскаго поврежденія нанесены ему при жизни?

Предшественникомъ было сказано: всѣ. Я говорю, что это недоказательно, потому что понятіе о моментѣ смерти трудно опредѣлимо. Установить идеально-точно границу прекращенія жизни и наступленія смерти чрезвычайно трудно. Это понятіе физиологически слишкомъ расплывчато... Мы, врачи, часто замѣчаемъ полную остановку кровотока. Наступаетъ иногда остановка дыханія... Что же, это считать моментомъ смерти!? Нѣтъ. Этотъ человекъ живетъ, но въ совершенно безчувственномъ состояніи. На основаніи такого примѣра я и говорю, какъ трудно намъ, врачамъ, сказать: этотъ умеръ, а этотъ живетъ. Указаніе на то, что всѣ поврежденія были нанесены при жизни, такъ какъ иначе не могло быть кровотока—абсолютно невѣрно съ медицинской и хирургической точки зрѣнія. Далѣе, долженъ сказать, что мы имѣемъ еще промежуточное состояніе, такъ называемую агонію, когда признаки жизни существуютъ, причѣмъ можетъ и не быть кровотока. Къ сожалѣнію, мы не въ силахъ сказать, какія раненія нанесены при жизни и какія по смерти. Главная масса раненій, при минимальномъ знаніи убійць, которые не

могли имѣть точнаго понятія объ анатоміи и жизненныхъ процессахъ, могла быть нанесена какъ при жизни, такъ и въ ближайшей промежутокъ времени послѣ смерти,

2) Какія изъ этихъ поврежденій являются безусловно смертельными?

Я бы ни одно изъ этихъ раненій не назвалъ безусловно смертельнымъ! Они крайне тяжелы, они часто ведутъ къ смерти, но они не безусловно смертельны. Мы знаемъ, что въ мозгу лежатъ цѣлыя пули и люди не умираютъ. Бываютъ случаи, что приходится колоть мозговую оболочку, проникать въ желудочекъ мозга и люди не умираютъ. Водянку мозга лечатъ проколами и люди не умираютъ, а насъ не привлекаютъ къ суду. Пораненія черепа нельзя назвать безусловно смертельными. Теперь относительно сердца. Что касается тѣхъ поврежденій его, которыя мы видимъ на препаратѣ, то они не могутъ быть названы смертельными: теперь даже раны на сердцѣ зашиваютъ, даже по прошествіи многихъ часовъ зашиваютъ! Есть люди, которые живутъ съ пулями въ сердцѣ! Я бы сказалъ, что въ отдѣльности и частности ни одна изъ ранъ не безусловно смертельна, а совокупность ранъ — да. Конечно, какихъ? Раненій черепа и, главнымъ образомъ, шеи. Именно раненію шеи я приписываю гораздо большее значеніе, чѣмъ даже раненію черепа. Почему? Благодаря внутреннему кровотеченію и другимъ явлениямъ, о которыхъ мнѣ еще придется говорить.

3) Какія именно поврежденія явились непосредственной причиной смерти Ющинскаго?

Указывалось, что, быть можетъ, мальчикъ былъ задушенъ тѣмъ, что ему зажимали ротъ. Я и спрашиваю себя, можно ли задушить человѣка, зажимая ему ротъ, и отвѣчаю: никогда! Зажиманіе рта не препятствуетъ дыханію, оно можетъ только въ нѣкоторой степени затруднить дыханіе, совокупность же зажиманія носа и рта — препятствуетъ. Но объ этомъ въ протоколѣ вскрытія ничего нѣтъ, и мы по протоколу видимъ, что слизистая оболочка цѣла, слѣдовательно дыхательный трактъ не былъ поврежденъ.

Зажиманіе рта и носа можетъ вызвать при раненіи шеи опусканіе въ пищеводный и дыхательный трактъ сгустковъ крови, въ особенности если человѣкъ начинаетъ кричать, барахтаться. Я не возражаю противъ того, что задушеніе было, но понимаю это съ другой точки зрѣнія. Могло произойти задуше-

ние отъ большихъ кровяныхъ сгустковъ, которые могли сдавить заглочное пространство. Кровь могла спуститься и сдавить всѣ сосуды и заднюю стѣнку дыхательнаго пути. Вотъ причина задушенія, неожиданно появившагося вслѣдствіе серьезнаго пораненія крупныхъ венозныхъ сосудовъ, излившихъ свою кровь вокругъ дыхательнаго и пищеводаго пути въ области шеи. Я лично думаю, что задушеніе могло наступить быстро, смотря по тому, какое количество крови излилось, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ этихъ данныхъ. Изъ поврежденій, которыя явились непосредственной причиной смерти, считаю главными раненія въ области шеи.

4) Въ какой послѣдовательности наносились Ющинскому поврежденія?

Вопросъ вполне категорически не разрѣшимъ, но предположительно можно думать, что первый ударъ былъ нанесенъ въ голову.

Была ли на головѣ Ющинскаго фуражка во время причиненія ранъ въ голову и какихъ именно?

Фуражка пробита въ четырехъ мѣстахъ. Можно допустить съ глубокой вѣроятностью, что двѣ раны на головѣ, которыя идутъ отъ стрѣловиднаго шва, являются ранами, нанесенными черезъ фуражку. Боковыя раны, которыя идутъ на протяженіи края фуражки, тоже могли быть сдѣланы черезъ фуражку. Мы вырѣзаемъ въ области головы по 16 опухолей безъ хлороформа и не боимся, что человѣкъ истечетъ кровью. Значитъ, эти пораненія на головѣ не опасны для жизни.

Если первыя раненія нанесены въ голову, то не было ли потери сознанія и какъ скоро она наступила?

Можно допустить, что отъ ударовъ въ голову, особенно отъ повторныхъ, могла наступить потеря сознанія, а какъ скоро она наступила—этотъ вопросъ для насъ неудовимъ. Говорить о томъ, какой именно ударъ въ голову далъ потерю сознанія мы не можемъ. Если припомнить раненія шеи, которыя вызвали внутреннимъ кровотеченіемъ затрудненія дыханія плюсъ раздраженіе, которое создано благодаря пораненію головы, то все, вмѣстѣ взятое, должно было ускорить и усилить наступленіе потери сознанія.

Каковъ промежутокъ времени между первымъ раненіемъ и смертью?

Это чрезвычайно трудно опредѣлить. Могу сказать только предположительно, тѣмъ болѣе, что мы не имѣли характера сосудовъ, а истеченіе крови мы можемъ опредѣлить по закону физики: тонкіе сосуды кровоточатъ меньше, чѣмъ широкіе. Приходится иногда кровоточивымъ людямъ хлороформа не давать при операціяхъ и они не жалуются на боль—даже при серьезныхъ операціяхъ. Мы отнимаемъ руки и ноги у ослабленныхъ кровопотерями людей и они не жалуются. Указать промежутокъ времени, границу между смертью и жизнью чрезвычайно трудно. Надо считать 10—15 минутъ, можетъ быть немного больше.

5. Какимъ орудіемъ причинены Ющинскому поврежденія?

Можно допустить, что однимъ орудіемъ—швайкой, подобной той, которая куплена проз. Туфановымъ.

6. Причинена ли смерть Ющинскому насильственными дѣйствіями одного или нѣсколькихъ лицъ?

Вѣроятно, что, по меньшей мѣрѣ, дѣйствовало два лица.

Сколько времени такія дѣйствія продолжались?

Чтобы дать точный отвѣтъ, надо сдѣлать точно такія же манипуляціи, нужно взять такого же мальчика и начать колоть швайками до самой смерти. Можно думать, что смерть произошла очень скоро.

7. Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому мучительными страданіями?

Понятіе о мучительности довольно неопредѣленное. Прежде всего, надо разобратся, какія мѣста ранены и насколько они болѣе мучительны по сравненію съ другими. Такихъ ранъ на трупѣ не находится. Двѣ раны на головѣ, нанесенныя по уклону черепа, очень мало мучительны. Я говорю, что мы вырѣзаемъ на головѣ по 16 опухолей заразъ у дамъ, очень нервныхъ и онѣ легко переносятъ эти раненія. Я говорю, что мнѣ приходилось трепанировать кости, высверливать, выбивать долотомъ, и молоткомъ цѣлые куски—и безъ хлороформа. Приходилось прокалывать твердую мозговую оболочку и она была мало чувствительна. Это вызывало нервныя явленія, судороги, рефлексъ; но рефлекторная дѣятельность и чувствительность—понятія совершенно различныя. Затѣмъ, надо еще принять во вниманіе чувство страха. Возьмите, на примѣръ, человѣка на войнѣ. Въ бою чувствительность какъ будто пропадаетъ и является угнетающій центръ, который уменьшаетъ рефлекторныя явленія.

Бываетъ, что человекъ, серьезно раненый, идетъ впередъ и не чувствуетъ довольно долго этихъ раненій. Значитъ, понятіе о чувствительности чрезвычайно условное. Вотъ, если мы начинаемъ рѣзать и больной знаетъ, что его начинаютъ рѣзать, то воображеніе способно рисовать большіе ужасы. Тутъ же былъ страхъ, сопротивленіе, возбужденіе, которые нужно разсматривать, какъ акты, уменьшающіе чувствительность. Далѣе, что касается уколовъ шеи, то анатомія учитъ, что это не есть наиболѣе мучительныя мѣста. Мы безъ хлороформа дѣлаемъ разрѣзы на шеѣ, вылуциваемъ опухоли. Въ области сердца, плевры, грудной мы безъ хлороформа дѣлаемъ по нѣскольку уколовъ и больные не жалуются. Стало быть, эти области мало чувствительны. Что касается раненій спины, то намъ извѣстны историческіе факты, когда вырѣзывали изъ спинной кожи ремни, благодаря тому, что это не такъ мучительно. Раненія печени также мало чувствительны. Мы дѣлаемъ проколы довольно толстой иглой и не причиняемъ мученій, а вѣдь это гораздо большая операція по сравненію съ тѣми ничтожными ранками, которыя мы видѣли на печени трупа Ющинскаго, причемъ онъ, можетъ быть, былъ приведенъ въ получувствительное состояніе или даже въ состояніе безсознанія, а что онъ дрыгалъ, то это могло быть явленіемъ рефлкторнымъ, а не сознательной дѣятельностью.

8. Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому обезкровленіемъ его тѣла?

Непосредственнаго, исключительнаго обезкровленія не могло быть. Во второмъ протоколѣ вскрытія мы видимъ, что вены были наполнены кровью, ткани блѣдно-розоваго цвѣта, мозгъ съ большимъ числомъ кровяныхъ точекъ, однимъ словомъ, ни одинъ органъ не былъ совершенно обезкровленъ. Значитъ, при первомъ вскрытіи кровь была въ еще большемъ количествѣ. О полномъ обезкровленіи на основаніи этихъ данныхъ говорить трудно. Было сильное внутреннее кровотеченіе, а наружное не особенно сильное.

Девятый вопросъ — не было ли обезкровленіе причиною смерти — оставленъ экспертомъ безъ отвѣта, вѣроятно, потому, что этотъ вопросъ падаетъ при отрицательномъ отвѣтѣ на вопросъ восьмой.

По этой же, надо полагать, причинѣ экспертъ призналъ невозможнымъ отвѣтъ по вопросу десятому — о болѣе удобномъ

способѣ собиранія крови, а на вопросъ одиннадцатый отвѣтилъ кратко, что множественность раненій не даетъ благопріятныхъ условій для собиранія крови.

12. Какое, приблизительно, количество крови вытекло изъ тѣла Ющинскаго и какое, приблизительно, количество крови оказалось на бѣльѣ и одеждѣ его?

Цифры, которыя приводятся моими сотоварищами—точные или нѣтъ? Прямо скажу, что неточныя. Физиологія говоритъ, что отъ 1/10 до 1/13 части всего тѣла составляетъ кровь. Если мы возьмемъ индивидуальность человѣка, то это количество еще больше возрастаетъ. Затѣмъ, по вопросу о томъ, сколько нужно взять крови изъ общей массы, чтобы убить человѣка, мнѣнія очень расходятся. Одни говорятъ—половину; другіе больше, третьи—меньше. Можно ли отсюда узнать, сколько крови было у Ющинскаго? Нужно было бы взвѣсить трупъ, что въ судебной медицинѣ, къ сожалѣнію, очень мало практикуется. Тогда имѣлся бы хоть одинъ точный аргументъ. Что касается крови, которая излилась на одежду, на курточку и, больше всего, на рубашку, то пропитываніе рубашки кровью было сравнительно невелико.

13. Свидѣтельствуешь ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе о томъ, что причиненіе мученій и обезкровленіе Ющинскаго входило въ планъ, намѣченный убійцами?

Это, строго говоря, бытовой вопросъ. Хирурги съ трудомъ могутъ его разрѣшить. Могло ли быть цѣлью убійства полученіе крови? Да какъ же убить безъ крови? Вѣдь и курицу когда рѣжутъ, кровь есть! И когда быка убиваютъ—тоже. Всегда будетъ кровь! Что касается мученій, то это обстоятельство очень гибкое, которое опредѣлить чрезвычайно трудно, такъ что отвѣчать, какой планъ былъ намѣченъ убійцами—положительно невозможно. Главное было убить, а мучить уколами—это совсѣмъ лишнее, вызванное, можетъ быть, тѣмъ, что послѣ нанесенія ранъ мальчикъ долго жилъ, дрыгалъ, и убійцамъ нужно было какъ-нибудь убить его для того, чтобы онъ умеръ. Здѣсь указывали, что поражены такія мѣста, гдѣ больше всего сосудовъ—напримѣръ, подъ мышками. Простите, но, къ сожалѣнію, я долженъ указать, что именно подъ мышкой—не убойное мѣсто. Что касается уколовъ въ сосуды по боковымъ стѣнкамъ живота, то эти уколы не только не убойныя, но даже мало чув-

ствительные, а уколъ въ ягодицу прямо забавный! Входило ли въ планъ, намѣченный убійцами, въ характеръ поврежденій и въ число ихъ причиненіе мученіе? Планы у людей бываютъ разные. Планы одного мы называемъ эфемерными, планы другого разумными, но здѣсь не было никакого плана.

Далѣе начиналась область вопросовъ—съ 14-го и до конца—гдѣ на совѣщаніи экспертовъ было достигнуто единогласіе, а разнорѣчіе явилось уже плодомъ ночныхъ размышленій проф. Павлова, описанныхъ выше.

Сперва отвѣты его были очень краткіе и не расходились съ заключеніемъ, даннымъ проф. Косоротовымъ, но затѣмъ они становились все болѣе неопредѣленными и наконецъ, къ послѣднему вопросу, эта неопредѣленность перешла въ весьма существенное расхожденіе съ тѣмъ, что высказалъ проф. Косоротовъ.

О «познаніяхъ въ анатоміи», проявленныхъ убійцами, проф. Павловъ сказалъ, что таковыхъ познаній совершенно не проявлено. О связываніи рукъ—что оно было посмертнымъ. Убійство совершено не въ пещерѣ, гдѣ трупъ обнаруженъ, а въ иномъ мѣстѣ. Черезъ сколько именно времени онъ перенесенъ въ пещеру—отвѣтить трудно, но перенесенъ въ состояніи оконченія, которое начинается часовъ черезъ 6 или 6^{1/2} послѣ смерти и проходитъ отъ трехъ дней и долѣе. На вопросъ, былъ ли трупъ послѣ раненій обмытъ, опредѣленно отвѣтить нельзя, но «надо думать, что онъ все-таки кое-какъ можетъ быть былъ очищенъ». На вопросъ, какъ скоро засыхаетъ кровь на тканяхъ въ мѣстахъ, не защищенныхъ отъ дѣйствія воздуха—тоже нельзя дать опредѣленнаго отвѣта. Высыханіе зависитъ отъ различныхъ условій: влажности воздуха, покрыванія мало проницаемыми предметами и т. п.

Что касается времени, протекшаго послѣ принятія Андрушею пищи до его смерти, то вопросъ это спорный, ибо «мы совершенно не знаемъ, какъ у Ющинскаго дѣйствовалъ желудокъ, какъ работало пищевареніе, сколько онъ принялъ пищи».

Наконецъ, послѣдній, 23-й вопросъ гласилъ:

Когда и при какихъ обстоятельствахъ могли получиться на курткѣ убитаго глиняныя помарки и кровавыя пятна, бывшія предметомъ химико-микроскопическаго изслѣдованія?

Лейбъ-хирургъ Павловъ объяснилъ: «глина, находящаяся въ пещерѣ, могла быть сырою. Туда проникали почвенныя воды,

вокругъ былъ снѣгъ, а глина до извѣстной степени проницаема. Я самъ лазилъ въ эту пещеру. Входъ въ нее покатый внутрь. Тамъ могли существовать такія условія, что тающій снѣгъ могъ туда попадать и поддерживать въ глинѣ сырое состояніе. Это дѣлу не даетъ ничего существеннаго, но тѣмъ не менѣе отвѣчать на вопросъ приходится въ такомъ духѣ. Изъ того заключенія, которое я далъ, выходитъ, что, если трупъ былъ перенесенъ въ пещеру не черезъ 12 часовъ, а можетъ быть позже — я не хочу сказать, въ какую минуту — то глина могла примѣшаться къ крови въ жидкомъ состояніи и дать смѣсь. Съ трупомъ безцеремонно манипулировали, его подымали, усаживали неизвестно гдѣ—въ самой ли пещерѣ, или послѣ, или раньше. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ это было—неизвѣстно. Вопросъ связанъ съ высыханіемъ глины вообще и, въ частности, съ тѣмъ, долго ли не засыхала кровь. Вотъ, въ общихъ чертахъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ».

Итакъ, со странной оговоркой, что «это не даетъ дѣлу ничего существеннаго» (зачѣмъ же вообще говорить о томъ, что не существенно), проф. Павловъ свелъ вопросъ къ тому, что мѣсто и время, когда образовались на одеждѣ Ющинскаго глиняныя помарки, пропитанныя кровью, совершенно не поддается опредѣленію. А разъ это такъ, то, очевидно, падаетъ и утвержденіе Косоротова, что убійство учинено тамъ, гдѣ была глина, и въ жиломъ помѣщеніи совершиться не могло—обстоятельство, про которое никоимъ образомъ нельзя сказать, что оно «не даетъ дѣлу ничего существеннаго».

Таковъ первый плодъ ночныхъ размышленій лейбъ-хирурга Павлова.

Другой плодъ выразился въ сомнѣніяхъ, вдругъ появившихся по вопросу о томъ, за сколько времени до смерти Ющинскій принималъ пищу. И на предварительномъ слѣдствіи, и въ совмѣстномъ совѣщаніи четырехъ экспертовъ-профессоровъ на судѣ былъ выработанъ отвѣтъ, вполне опредѣленный, но вернулся профессоръ Павловъ съ совѣщанія домой, подумалъ, и оказалось, что отвѣта дать нельзя—неизвѣстно, какой желудокъ былъ у мальчика, много ли онъ съѣлъ, каково было пищевареніе. Научныя соображенія эти только теперь, уже послѣ совѣщанія, въ ночной тиши осѣнили профессора, и онъ измѣнилъ свое мнѣніе. А между тѣмъ изъ фактической части мы знаемъ, какое громадное и опасное для подсудимаго значеніе имѣло исчис-

леніе времени между убійствомъ Ющинскаго и принятіемъ имъ пищи.

Упомянемъ кстати, что и этотъ вопросъ, и вопросъ о смѣшиваніи глины съ кровью (подробно разсмотрѣнный по экспертизѣ проф. Косоротова еще въ фактической части—стр. 136), казалось бы, всецѣло относятся къ судебной медицинѣ и имѣютъ крайне отдаленное касательство до науки, именуемой хирургіею.

Разбирать заключеніе проф. Павлова въ другихъ частяхъ надлежитъ въ связи съ возраженіями, сдѣланными ему проф. Косоротовымъ, а потому переходимъ къ предшествовавшему этимъ возраженіямъ заключенію проф. Кадьяна.

Профессоръ Кадьянъ заявилъ, что остановится въ своемъ заключеніи только на тѣхъ вопросахъ, по которымъ у него имѣется разномысліе съ проф. Косоротовымъ и Туфановымъ.

Такихъ разномысліи оказалось четыре.

О потерѣ сознанія.

Отсутствіе сознанія—далъ заключеніе проф. Кадьянъ — бываетъ разное, продолжаясь иногда нѣсколько минутъ, иногда часы, иногда сутки и больше. Если при этомъ мы вскрыемъ мозгъ, то окажется, что въ мозгу никакихъ особыхъ поврежденій и измѣненій нѣтъ. Вотъ это состояніе, когда ударъ нанесенъ, но не сопровождается измѣненіемъ тканей, называется сотрясеніемъ мозга. Потеря сознанія и сотрясеніе мозга бываютъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ударъ болѣе или менѣе сильный и тяжелый. Думаю, что тотъ ударъ, который былъ нанесенъ Ющинскому въ лѣвую часть головы, настолько тяжелъ, что долженъ былъ безусловно сопровождаться потерей сознанія. Основываясь на этомъ, я прихожу къ убѣжденію, что безсознательное состояніе наступило очень скоро, если не при первомъ раненіи (утверждать, что именно описанное мною раненіе было первымъ—я не могу), то при одномъ изъ первыхъ.

Сопровождалось ли причиненіе смерти Ющинскому мучительными страданіями?

Какъ понимать это? Какъ можно причинить смерть, не причиняя мученій? Я думаю, что вопросъ имѣетъ другой смыслъ: не причинялись ли инья, особья мученія, не относящіяся къ лишенію жизни? Въ такомъ случаѣ, я не согласенъ съ проф. Косоротовымъ. Я думаю, что спеціальныя, особо мучительныя поврежденія здѣсь не наносились. Чтобы причинять боль, надо причинять поврежденія наружныхъ покрововъ, и проф. Косоро-

товъ въ первой своей экспертизѣ прямо на это указываетъ: всякія давленія, прижиманія, щипки, вырываніе ногтей, волосъ, бороды,—ужасно мучительны. Когда я разбираюсь въ поврежденіяхъ, нанесенныхъ Ющинскому, я не нахожу ни одного такого, которое бы подходило подъ мое понятіе особо мучительныхъ. Мучительность ихъ зависѣла только отъ ихъ множества. Она ослаблялась также тѣмъ, что мальчикъ былъ безъ сознанія. Указаніе, что мученіе, причиняемое человѣку, находящемуся безъ сознанія, приводитъ его въ чувство — невѣрно. Наконецъ, при отсутствіи крови, при состояніи малокровія, въ которомъ находился мальчикъ, безсознательность и нечувствительность увеличиваются.

Обезкровленіе и собираніе крови.

Въ животѣ, около кишекъ, вены брыжжейки переполнены жидкой кровью даже на второмъ вскрытіи. Когда вскрывали мозгъ, то сосуды оболочки мозга были переполнены кровью. Сѣрое вещество мозга было красноватаго цвѣта, а при разрѣзѣ бѣлаго вещества выступали капли крови. При такихъ явленіяхъ я не могу говорить о полномъ обезкровленіи. При перечисленіи печени, селезенки и т. п. читаю въ актахъ вскрытія, въ описаніи цвѣта: «желтоватый», «красноватый», «буровато-красный» — однимъ словомъ, красноватый оттѣнокъ вездѣ существуетъ. Значитъ, эти органы не вполне обезкровлены. Мы укажемъ, что не было трупныхъ пятенъ. Трупныя пятна образуются на тѣхъ мѣстахъ трупа, на которыхъ онъ лежитъ, здѣсь же трупъ не лежалъ, а стоялъ, значитъ и этого явленія не могло быть. Въ протоколѣ вскрытія указаны небольшія трупныя пятна. Ихъ присутствіе говоритъ за то, что полного обезкровленія признать нельзя.

Для собиранія крови раненія головы, при вертикальномъ положеніи жертвы, крайне неудобны: кровь течетъ по волосамъ, волоса мѣшаютъ. Было кровотеченіе изъ лѣваго виска. Надо сказать, что изъ всѣхъ неудобныхъ ранъ эта — самая удобная, тѣмъ болѣе, что на лѣвомъ вискѣ была поранена, повидимому, случайно — одна изъ вѣточекъ височной артеріи. Большинство кровотеченій, однако, венозныхъ.

Всѣ раненія, которыя мы находимъ на туловищѣ, на груди, спинѣ, въ сердцѣ, легкихъ, печени, почкѣ — всѣ они тяжелыя, отъ ударовъ, нанесенныхъ съ большой силой, однако я увѣренъ, что они нанесены въ то время, когда Ющинскій умиралъ, былъ

на границѣ смерти, когда сердце его билось очень слабо, сердечная дѣятельность низведена до минимума. Возьмемъ, напримеръ, печень. Это, на мой взглядъ, во всемъ организмѣ самый кровотоочивый органъ. Мы всего болѣе боимся раненій печени, потому что раны очень кровотоочивы. Кровь въ такихъ случаяхъ течетъ и не останавливается. Чтобы остановить ее, всегда приходится прибѣгать къ помощи хирургіи. Здѣсь же мы имѣемъ въ печени нѣсколько раненій, и если даже печень не кровотоочила, значить сердце не работало. Тоже и съ плеврой, и съ почкой, и съ сердцемъ. Всѣ эти тяжелыя раненія относятся къ тому періоду между жизнью и смертью, который мы, врачи, называемъ агоніей.

Свидѣтельствуемъ ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе о томъ, что причиненіе мученій и обезкровленіе Ющинскаго входило въ планъ, намѣченный убійцами?

Говорить объ этомъ очень трудно. Я не могу сказать, какіе планы были у убійцъ.

Предсѣдатель. Этотъ вопросъ поставленъ по настоянію защиты.

Кадьянъ. Желанія преступниковъ специально причинить мученія—я не вижу, обезкровленія—тоже не вижу. Чтобы получить кровотеченіе на рукѣ—надо сдѣлать раненіе и опустить руку внизъ—кровь будетъ течь. Точно также если сдѣлать разрѣзъ на ногѣ, на венѣ—кровь будетъ течь. Но наносить раны на головѣ, на макушкѣ для того, чтобы получить кровь—это для меня *pensens*. Какая была цѣль наносить многочисленные удары въ правый високъ? Не знаю...

На вопросы, предложенные затѣмъ Грузенбергомъ, проф. Кадьянъ пояснилъ, что, по его мнѣнію, непригодность колотыхъ ранъ для обезкровленія обусловлена трудностью проколоть кровеносный сосудъ колющимъ орудіемъ: нужна рука въ высшей степени опытная, чтобы не промахнуться, ибо сосуды выкаиваютъ изъ-подъ такого колющаго орудія и остаются непроколотыми.

Тогда прокуроръ спросилъ проф. Кадьяна, принималъ ли онъ во вниманіе при обсужденіи этого вопроса то соображеніе, что, быть можетъ, убійцамъ нужна была кровь, вытекающая именно изъ колотыхъ ранъ, а не изъ рѣзанныхъ.

Экспертъ отвѣтилъ, что такое обстоятельство его обсужденію не подвергалось.

Далѣе, прокуроръ спросилъ, не останавливалъ ли проф. Кадьянъ своего вниманія на томъ, почему преступники, разъ они никакими особыми, исключительными цѣлями не руководствовались, выбрали для убійства такое странное орудіе, какъ швайка, а не прибѣгли просто къ топору, ножу, полѣну и т. п.

Проф. Кадьянъ отвѣтилъ, что объясняетъ это случайностью: швайка попалась подъ руку и убійцы ее использовали.

IV.

Возраженія профессора Косоротова.

Послѣ экспертизы проф. Павлова и Кадьяна слово вновь было предоставлено проф. Косоротову, который далъ слѣдующее дополнительное заключеніе:

«Миѣ придется остановиться на главныхъ вопросахъ нашихъ разнорѣчій. Прежде всего, коллега Павловъ отмѣтилъ, что у насъ разныя специальности, что онъ—хирургъ, а мы судебные врачи, при чемъ сказалъ, что онъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, а судебные врачи, главнымъ образомъ, занимаются вскрытіемъ труповъ. Совершенно вѣрно, что, главнымъ образомъ, мы, судебные врачи, имѣемъ дѣло съ трупами, но, кромѣ того, намъ, судебнымъ врачамъ, приходится очень много свидѣтельствовать поврежденій, такихъ поврежденій, о которыхъ хирурги представленія могутъ не имѣть, такъ какъ люди съ этими поврежденіями не попадаютъ въ тѣ клиники, гдѣ работаетъ коллега Павловъ. Такимъ образомъ, коллега Павловъ не имѣетъ никакого понятія о характерѣ дѣятельности судебныхъ врачей. Если спросить любого городского или уѣзднаго врача, сколько онъ вскрываетъ въ годъ труповъ, то онъ отвѣтитъ: 20—30, а если спросить, сколько онъ свидѣтельствуетъ поврежденій, то окажется 200—300. Въ настоящее время я состою членомъ Медицинскаго Совѣта, какъ извѣстно—высшаго медицинскаго учрежденія, куда поступаютъ дѣла со всей Имперіи; намъ приходится констатировать, что вопросовъ о причинахъ смерти обсуждается въ нѣсколько разъ меньше, чѣмъ объ освидѣтельствованіи. Такъ что утвержденіе, будто бы мы, судебные врачи, мало занимаемся

съ живыми людьми, совершенно невѣрное, совершенно несправедливое. Наоборотъ, въ нашей практикѣ приходится даже часто рѣшать психологическіе вопросы.

Что касается вопросовъ по существу, то по первому вопросу, именно о прижизненности или посмертности поврежденій, проф. Павловъ сказалъ: «установить моментъ смерти вообще невозможно, невозможно точно установить—умеръ ли человекъ или еще живъ». Это указываетъ, что проф. Павловъ дѣйствительно обладаетъ очень слабыми познаніями въ судебной медицинѣ. Тамъ точно установленъ моментъ смерти, и каждый судебный врачъ знаетъ, когда этотъ моментъ наступаетъ. Возьму такой примѣръ: врачъ читаетъ докторскую диссертацию, въ которой, между прочимъ, говоритъ: смерть наступила въ 3 часа 22 минуты и 42 сек. Значитъ, есть такой моментъ, наукой установленный, который надо считать моментомъ смерти. Способы констатированія моментовъ смерти очень разнообразны, и меня удивляетъ то обстоятельство, что именно проф. Павловъ сослался, какъ на примѣръ, на то, что его призвали для того, чтобы онъ иглой, воткнутой въ сердце, опредѣлилъ, живъ человекъ или нѣтъ. Неужели онъ не понимаетъ, для чего его призываютъ. Именно для того, чтобы сказать, живъ человекъ или умеръ: если воткнутая въ сердце игла обнаруживаетъ колебанія, то, значитъ, человекъ живъ, такъ какъ моментъ смерти устанавливается останковю дѣятельности сердца. Это первое наше развогласіе.

Затѣмъ я, проф. Кадьянъ и прозекторъ Туфановъ высказали совершенно опредѣленный взглядъ относительно прижизненности и посмертности. Что касается прижизненности и посмертности поврежденій, то я долженъ вамъ сказать, что вотъ въ учебникѣ судебной медицины есть статья, которая озаглавлена: «Различіе поврежденій прижизненныхъ отъ посмертныхъ»—это есть вопросъ исключительно судебной медицины, и ни коллега Павловъ и никто другой изъ хирурговъ не можетъ указать никакой хирургической книги, въ которой были бы указаны эти различія поврежденій,—это чисто трупное дѣло, которымъ хирурги не занимаются. Поэтому возраженіе его относительно того, что нельзя сказать о прижизненности или посмертности поврежденій, совершенно неосновательное.

Коллега Павловъ сказалъ, что поврежденія головы съ кровотеченіемъ не смертельны; этого никто и не утверждалъ: какъ

известно суду, я отъ имени трехъ товарищей сказалъ, что мы считаемъ безусловно смертельными поврежденія сердца. Коллега Павловъ съ этимъ не согласился. Но здѣсь является совершенно ясное обстоятельство, ему совершенно неизвѣстное. Если бы онъ посмотрѣлъ уставъ судебной медицины, ст. 1443, то въ примѣчаніи къ этой статьѣ говорится, что, хотя хирургія научилась излѣчивать многія такія поврежденія сердца, которыя почитались неизлѣчимыми, однако это не даетъ права отрицать, что эти поврежденія смертельны, какъ напр. поврежденія сосудовъ. Если бы проф. Павловъ познакомился съ врачебнымъ уставомъ, то онъ долженъ былъ бы сказать, что данный случай поврежденій есть смертельный въ юридическомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, причиной того, что мы разошлись, служитъ недостаточность познаній въ судебной медицинѣ.

Слѣдующій вопросъ, относительно котораго мы, судебные врачи, разошлись съ хирургами, это вопросъ о томъ, было ли потеряно сознание. По мнѣнію моему и коллеги Гуфанова потеря сознания наступаетъ въ зависимости отъ попытокъ задушенія и я сказалъ,—это записано въ стенограммѣ,—что были закрыты ротъ и носъ. Почему коллега Павловъ началъ распространяться, что закрытіе одного рта не ведетъ къ задушенію, я не понимаю. Всякій знаетъ, что задушеніе можетъ быть тогда, когда закрыты всѣ дыхательныя отверстія. Такъ вотъ мы и говоримъ: не поврежденія были причиной потери сознания, а именно закрытіе дыхательныхъ отверстій носа и рта. Первые двѣ минуты послѣ насильственныхъ дѣйствій несчастный мальчикъ находился въ сознаніи, и всѣ тѣ поврежденія, которыя наносились въ это время, наносились въ сознательномъ состояніи. Хирурги полагаютъ, что потеря сознания произошла отъ ударовъ, нанесенныхъ въ голову, что, будто бы, эти удары вызвали сотрясеніе мозга. Коллега Кадьянъ очевидно не слышалъ того, что я сказалъ, что эти поврежденія свидѣтельствуютъ о слабыхъ ударахъ (указываетъ поврежденія на черепной крышкѣ) за исключеніемъ одного поврежденія, самаго глубокаго, которое проникло въ сѣрое вещество мозга, но которое, судя по малому кровоизліянію, было нанесено однимъ изъ послѣднихъ: это одинъ изъ тѣхъ жестокихъ ударовъ, которые наносились подъ конецъ въ голову, спину, животъ, въ грудь.

Далѣе, относительно признаковъ смерти отъ кровотечения хирурги какъ бы опасаются слова обезкровленіе. Обезкровле-

ніе въ настоящемъ случаѣ понимается, какъ потеря такого количества крови, безъ котораго жить нельзя. Я совершенно несогласенъ съ коллегой Павловымъ, будто бы такая потеря крови—понятіе довольно растяжимое, будто бы большая разница получается между одной десятой и одной тринадцатой; разница тутъ небольшая. Когда мы говорили о потерѣ крови, то принимали минимальное содержаніе крови въ организмъ, брали тринадцатую часть потому, что у дѣтей содержится нѣсколько меньше крови, чѣмъ у взрослыхъ, такъ что мы исчисляли совершенно правильно. Равнымъ образомъ, вопросъ о томъ, сколько вѣсилъ трупъ, можно опредѣлить по имѣющимся въ судебной медицинѣ таблицамъ, въ которыхъ прямо указано, что мальчикъ столько-то лѣтъ въ среднемъ вѣситъ столько-то, такъ что и въ этомъ отношеніи исчисленіе наше является научно обоснованнымъ и достаточно точнымъ. Теперь о количествѣ потерянной крови. Мы указываемъ, что не было трупныхъ пятенъ. Для насъ, судебныхъ врачей, занимающихся трупнымъ дѣломъ—я скажу о себѣ, что я уже на четвертой тысячѣ труповъ произвожу изслѣдованіе, и, слѣдовательно, я достаточно опытенъ,—что значить отсутствіе трупныхъ пятенъ? Оно свидѣтельствуетъ объ очень большой потерѣ крови. Проф. Кадьянъ говорилъ, что докторъ Карпинскій, когда вскрывалъ трупъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли трупныхъ пятенъ на спинѣ. Такое предположеніе неосновательно, чтобы врачъ, имѣющій судебную практику въ такомъ большомъ городѣ, какъ Кіевъ, не зналъ, гдѣ нужно искать трупныя пятна у человѣка, найденнаго въ сидячемъ положеніи. Очень часты случаи самоповѣшенія, и у повѣшеннаго никто не станетъ искать трупныхъ пятенъ на спинѣ, а ищетъ ихъ на нижнихъ конечностяхъ. Это такая азбука, что я удивляюсь, какъ можно предполагать, что судебный врачъ, и особенно проф. Оболонскій, искалъ трупныя пятна на спинѣ. Если бы ихъ не видѣлъ Карпинскій, то увидѣлъ бы проф. Оболонскій; несомнѣнно, ихъ просто не было, а если не было, то, значитъ, человѣкъ потерялъ очень большое количество крови. Что касается блѣдности внутреннихъ органовъ, то это тоже дѣло условное. Напримѣръ, Гофманъ говоритъ, что надо обращать особое вниманіе на состояніе почекъ, а почки въ настоящемъ случаѣ были чрезвычайно малокровны. Проф. Кадьянъ указываетъ, что когда рѣзали мозгъ, то выступали кровяныя точки и полосы въ значительномъ количествѣ. Это открылъ

кто? Проф. Оболонскій. Такъ неужели онъ не сообразилъ, какъ это мозгъ въ такомъ состояніи; неужели онъ, человѣкъ извѣстный въ своей медицинской практикѣ, большой авторитетъ у судебныхъ врачей въ Россіи, сказалъ зря, что мальчикъ потерялъ двѣ трети крови? Возьмите мой студенческій учебникъ, который теперь печатается, и тамъ вы найдете указанія, что при потеряхъ крови на головномъ мозгѣ иногда совсѣмъ не обнаруживается рѣзко-выраженнаго малокровія. И это различіе у насъ происходило оттого, что хирурги недостаточно осведомлены въ трупномъ дѣлѣ. Такъ что всѣ разсужденія хирурговъ меня, какъ судебного врача, удивляютъ. Меня удивляетъ, что хирурги не имѣютъ нѣкоторыхъ познаній въ судебной медицинѣ, но еще больше меня удивляетъ, что они довольно смѣло разсуждаютъ въ той области, которая ихъ совершенно не касается. Остается еще одинъ пунктъ—относительно содержанія крови въ сердцѣ. Въ сердцѣ крови не было. Нужно имѣть въ виду, что существуютъ правила, изданныя Медицинскимъ Совѣтомъ для вскрытій и порядка описанія вскрытій. Въ этихъ правилахъ сказано, что, когда сердце осмотрѣно, оно вынимается—какъ совершенно справедливо сказалъ мой collega, и кровь выливается въ окологердечную сумку: она вся на виду, ее можно вычерпать и измѣрить. Что же мы имѣемъ въ настоящемъ случаѣ? Я сказалъ, что сердце повреждено въ указанныхъ мною мѣстахъ, что при первомъ вскрытіи оно было вырѣзано, а послѣ вскрыто и отмѣчено, что «въ сердечной сумкѣ оказалось двѣ чайныхъ ложки крови», а сколько осталось—можно видѣть и сейчасъ. Несомнѣнно, сердце было обезкровленное, т. е. содержало немного крови. На основаніи отсутствія трупныхъ пятенъ, блѣдности внутреннихъ органовъ,—при чемъ мозгъ не идетъ въ счетъ,—на основаніи того, что сердце оказалось обезкровленнымъ, я утверждаю, какъ утверждали проф. Оболонскій и Туфановъ и какъ скажутъ всѣ люди, опытные въ трупномъ дѣлѣ, что, несомнѣнно, здѣсь была большая потеря крови: половина, а можетъ быть и больше. Откуда происходило кровотеченіе? Изъ тѣхъ поврежденій, которыя здѣсь были описаны. Хирурги правильно утверждаютъ, что поврежденіе маленькой артеріальной вѣточки лѣваго виска не могло дать смертельнаго кровотеченія, равно какъ и другія раненія головы. Изъ нихъ рана на макушкѣ дала кровотеченіе порядочное, но все же не обильное, не такое, чтобы

имъ объяснить смерть отъ истеченія крови. Значить, смерть зависѣла отъ чего-то другого. Я прямо говорю, что смертельное кровотеченіе произошло отъ ранъ въ шею. Въ то же время я утверждаю, на основаніи множества наблюденій случаевъ, которые совершенно аналогичны настоящему случаю, что тотъ затекъ, то количество крови, которое влилось отъ этихъ ранъ въ глотку и въ мягкія части, оно не могло быть такимъ большимъ, чтобы объяснить намъ смерть отъ потерянной крови. Проф. Кадьянъ сказалъ, что на шеѣ много большихъ сосудовъ, много кровеносныхъ сосудовъ, но что очень трудно колющимъ орудіемъ повредить ихъ. Трудность не есть невозможность, а можно сказать, что это достижимо съ примѣненіемъ нѣкотораго труда. Нельзя сказать, чтобы убійцы мало потрудились надъ бѣднымъ мальчикомъ. Несомнѣнно, тутъ труда было положено достаточно. Изъ всѣхъ шейныхъ ранъ четыре шли какъ разъ въ той области, гдѣ могутъ встрѣтиться эти сосуды, а такъ какъ орудіе, которымъ наносились поврежденія, было не просто колющимъ орудіемъ, а долотообразно заточеннымъ, то, несомнѣнно, оно производило гораздо большія раненія. Хирурги говорятъ, что колющимъ орудіемъ трудно поранить артерію, а сами признаютъ, что на вискѣ была поранена артеріальная вѣтка. Они обращаютъ вниманіе на поврежденія, которыя шли внутрь, не допуская, что кровотеченіе могло быть наружнымъ. Я имѣю въ виду, что неизвѣстно, откуда текла кровь, но допускаю, что одни раненія сопровождалась кровотеченіемъ внутреннимъ, а другія—наружнымъ, при задушеніи же кровотеченіе очень увеличивается.

Относительно вопроса, имѣлся ли у убійць какой либо планъ дѣйствій, хирурги говорили, что никакого плана нѣтъ, а все беспорядочно. Я, однако, обращаю вниманіе, что здѣсь имѣется группировка поврежденій: они расположены группами вблизи кровеносныхъ сосудовъ, на шеѣ, на груди, около сердца, на спинѣ и на вискѣ. Вы видите, что изъ височныхъ ранъ одна сопровождалась довольно сильнымъ кровотеченіемъ; въ сердце нанесено восемь ударовъ, изъ которыхъ четыре попали прямо въ сердце и одинъ изъ нихъ безусловно смертельный. Такъ что говорить, что совсѣмъ не было никакого плана, нельзя. Я этого не допускаю. Теперь выяснилось еще одно обстоятельство относительно плана и образа дѣйствій предполагаемыхъ убійць: у насъ есть поврежденія, которыя носятъ строго опредѣленный

характеръ и совершенно не похожи одно на другое, именно, одни нанесены при полной дѣятельности сердца и дали большое кровотеченіе, а затѣмъ другія поврежденія, главнымъ образомъ въ сердце, вслѣдствіе сильно ослабленной сердечной дѣятельности, кровотеченія почти не дали. Первые поврежденія, мы сказали, нанесены въ первые моменты преступленія, вторыя—въ самомъ концѣ жизни, слѣдовательно убійцы сразу начали колоть, произвели кровотеченіе, а потомъ что же? Дальше, до самаго начала агоніи нѣтъ никакихъ ранъ. Промежутокъ... Убійцы отдыхали... Чѣмъ они занимались въ это время? Кровь течетъ, раны нанесены, новыхъ ранъ нѣтъ, чѣмъ же они занимались?! Совершенно неизвѣстно. Наблюдали, какъ изъ ранъ текла кровь? Можетъ быть, это доставляло имъ удовольствіе. Я не знаю, что именно они дѣлали, но только несомнѣнно, что тутъ оказываются двѣ группы поврежденій, раздѣленные большимъ промежуткомъ бездѣйствія. Я не думаю, чтобы это было безцѣльнымъ, лишеннымъ соображенія и планомѣрности. Вѣроятно, это было нужно для какихъ нибудь цѣлей.... Последнія раны агонійныя, предсмертныя. Эти поврежденія носятъ характеръ многочисленныхъ ударовъ, направленныхъ на то, чтобы быть увѣреннымъ, что мальчикъ убитъ. Это, по выраженію проф. Павлова, убійные удары, одинъ въ голову, нѣсколько въ сердце, въ грудь, въ животъ и т. д.»

Закончилъ проф. Косоротовъ соображеніями о смѣшиваніи глины съ кровью, подробно приведенными выше на стр. 136.

Въ разнорѣчіяхъ, возникшихъ между проф. Косоротовымъ и Туфановымъ съ одной стороны, Павловымъ и Кадьяномъ съ другой, краеугольнымъ надлежитъ все же признать вопросъ объ обезкровленіи. Тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ этого вопроса почти предрѣшалось въ сущности главное: было или нѣтъ убійство Ющинскаго ритуальнымъ.

И вотъ, у экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, оказался здѣсь доводъ, на первый взглядъ очень сильный: колющее орудіе, колотыя раны—это способъ, для обезкровленія совершенно непригодный. Нужно рѣзать, а не колоть. Такъ трудно попасть въ кровеносный сосудъ колющимъ инструментомъ и такъ легко, такъ просто, такъ общеизвѣстно разрѣзать вену на рукѣ или на ногѣ и выпустить изъ нея всю кровь. Но

сила этого довода только кажущаяся именно потому, что обезкровленіе въ данномъ случаѣ тѣсно и неразрывно связано съ вопросомъ о ритуалѣ. Съ медицинской, хирургической точки зрѣнія выбрать для обезкровленія вмѣсто рѣжущаго орудія колющее—нелѣпность, но вѣдь всякій изувѣрный обрядъ имѣетъ свои предписанія и свои запреты, мало интересующіеся тѣмъ, насколько считаетъ ихъ цѣлесообразными медицина. И вотъ въ дальнѣйшемъ, въ изслѣдованіи ритуала, мы найдемъ указанія, лежація внѣ спора, что еврейская религія проводитъ существенное различіе между кровью, добытою отъ разрѣзыванія, и кровью, полученною отъ прокалыванія, при чемъ ученый, вызванный въ качествѣ эксперта по ходатайству защиты—проф. Троицкій—удостоверилъ, что кровь, добытую отъ прокалыванія, еврей можетъ оставлять не покрытою, а кровь, полученную отъ разрѣзыванія, обязанъ покрывать—требованіе неосуществимое, если трупъ выбрасывается «какъ падалъ».

При такихъ условіяхъ, подробное изложеніе которыхъ еще впереди, медицинскія соображенія, что разрѣзываніемъ кровь добыть удобнѣе, чѣмъ прокалываніемъ, теряетъ въ настоящемъ дѣлѣ всякое значеніе, и, наоборотъ, серьезное вниманіе привлекаетъ обстоятельство, отмѣченное проф. Косоротовымъ, что колющій инструментъ, пущенный въ ходъ убійцами, былъ, собственно, колюще-рѣжущимъ: онъ, оставаясь по виду колющимъ, былъ, путемъ затачиванія, приспособленъ къ болѣе удобному пораженію кровеносныхъ сосудовъ, обладая нѣкоторымъ рѣжущимъ протяженіемъ.

Что касается остальной аргументаціи экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты, то она поражаетъ отрицательнымъ характеромъ своихъ выводовъ. «Матеріалъ, намъ данный, неполный, недостаточный, вопросъ сложный, трудный, это не выяснено, то не установлено, а потому ничего опредѣленнаго сказать нельзя»—вотъ схема, по которой построено, на примѣръ, большинство отвѣтовъ проф. Павлова.

Разумѣется, такимъ пріемомъ можно свести на нѣтъ все, что угодно, а тѣмъ болѣе въ вопросахъ медицинскихъ, ибо самый простой и ясный вопросъ не такъ хитро представить труднымъ, сложнымъ и сказать, что для его разрѣшенія нужны бы еще различные дополнительные матеріалы, которыхъ въ данный моментъ достать, къ сожалѣнію, нельзя. Сколь часто сей испытанный способъ пускался въ ходъ въ дѣлахъ самыхъ разно-

образныхъ, иногда даже еще болѣе серьезныхъ, чѣмъ дѣла судебныя.

Однако, ничѣмъ не слѣдуетъ пользоваться превыше мѣры, и когда лейбъ-хирургъ Павловъ началъ сомнѣваться, за отсутствіемъ достаточныхъ данныхъ, были ли раненія, причиненныя несчастному мальчику, для него мучительны, а удары въ сердце смертельны, то позволительно думать, не было ли это черезчуръ.

Какъ только отъ сего сугубаго отрицанія надлежало переходить къ чему-либо положительному, такъ получалось пустое мѣсто. Сомнѣваться въ томъ, 12 или 13, или 14 уколовъ на правомъ вискѣ было очень легко, но наступила очередь объяснить, для чего же понадобилось, разъ убійство было заурядное, обыкновенное, наносить эти уколы, ненужные ни для мучительства, ни для лишенія жизни—и экспертъ заявилъ, что онъ не знаетъ...

Такъ просто было указать, что швайка—инструментъ для обезкровленія мало пригодный, но тогда спросили, а почему же, всетаки, въ этомъ заурядномъ, обыкновенномъ убійствѣ преступники не хватили мальчика головой объ стѣну, не прикончили его сразу топоромъ, ножомъ, полѣномъ, а въ теченіе 15 минутъ нанесли ему 47 уколовъ такимъ страннымъ орудіемъ, какъ швайка. Экспертъ могъ лишь отвѣтить, что, вѣроятно, швайка случайно попала убійцамъ подъ руку.

Въ первой части настоящей книги былъ рассмотрѣнъ рядъ разнообразнѣйшихъ попытокъ путемъ фактическаго матеріала доказать, что убійство Ющинскаго есть «обыкновенное преступленіе обыкновенныхъ преступниковъ». Такую же попытку попробовалъ повторить лейбъ-хирургъ Павловъ, но уже съ матеріаломъ медицинскимъ. Результаты были врядъ ли удачныя. Теорія профессора, что изъ 47 ранъ, нанесенныхъ Ющинскому, нѣтъ ни одной смертельной, много не мучительныхъ, есть нечувствительныя и одна даже забавная—успѣха не имѣла, а разсужденія о томъ, какъ несчастный мальчикъ «дрыгалъ», сравненіе чувствъ мучительно убиваемой жертвы съ чувствами солдата на войнѣ, сопоставленіе, въ отношеніи болѣзненности, ужасныхъ ударовъ, убійцами нанесенныхъ, съ оперативнымъ удаленіемъ опухолей, которыя онъ, Павловъ, даже у нервныхъ дамъ вырѣзываетъ безъ хлороформа—все это произвело удру-

чающее впечатлѣніе. Тогда Грузенбергъ принялъ свои мѣры и на слѣдующій день учинилъ Павлову такой допросъ:

Грузенбергъ. Скажите, профессоръ, ваше званіе—лейбъ-хирургъ?

Павловъ. Да.

Грузенбергъ. Я хотѣлъ бы васъ спросить, что это за званіе.

Павловъ. Это званіе есть Высочайшая милость, даваемая извѣстнымъ лицамъ и, надо полагать, не просто такъ, а за какія-нибудь заслуги.

Грузенбергъ. Лейбъ-хирургъ... Это, значитъ, высокое званіе.

Павловъ. Лейбъ-хирургъ Двора Его Императорскаго Величества—таковъ мой титулъ.

Больше десяти лѣтъ до дѣла Бейлиса въ Вильнѣ разсматривалось дѣло іудея цирульника Блондеса, обвинявшагося въ покушеніи на убійство христіанской дѣвушки Винцентины Грудзинской, тоже съ ритуальною цѣлью собиранія крови изъ шейныхъ ранъ. Защищаль Блондеса Грузенбергъ, а экспертомъ, вызваннымъ по ходатайству защиты, былъ лейбъ-хирургъ Павловъ. И вотъ, оказывается, тогда, на томъ дѣлѣ, свыше десяти лѣтъ тому назадъ, между тѣми же лицами происходилъ діалогъ, схожій, почти дословно, съ только что приведеннымъ. Такъ же недоумѣнно вопрошалъ Грузенбергъ о томъ, что значитъ «лейбъ-хирургъ», и такъ же почтительно затѣмъ изумлялся, сколь высокое это званіе.

Еще со среднихъ вѣковъ іудеи, въ отрицаніе ритуальныхъ убійствъ, ссылаются не то что на лейбъ-хирурговъ, а на авторитеты папъ и королей, однако судебныя дѣла о ритуальныхъ убійствахъ идутъ въ разныя времена и въ разныхъ странахъ своимъ чередомъ.

V.

Заключеніе проф. Бехтерева и Карпинскаго.

На разрѣшеніе психіатро-психологической экспертизы было поставлено восемь вопросовъ, причемъ только по двумъ изъ нихъ эксперты пришли къ единогласному заключенію, а по остальнымъ шести обнаружилось полное разнорѣчіе: какъ и слѣдовало ожидать, съ одной стороны оказалось мнѣніе проф. Сикорскаго,

а съ другой—мнѣніе двухъ экспертовъ, вызванныхъ по ходатайству защиты—проф. Бехтерева и Карпинскаго.

Послѣднее мнѣніе было изложено проф. Бехтеревымъ, заявившимъ, что проф. Карпинскій съ нимъ согласенъ.

Началь проф. Бехтеревъ съ тѣхъ двухъ вопросовъ, по которымъ всѣ три эксперта пришли къ единогласному заключенію:

Не могло ли быть совершено убійство душевно-больнымъ?

По обстоятельствамъ дѣла не усматривается никакихъ данныхъ это думать.

Допустимо ли, что убійство Ющинскаго было совершено на почвѣ полового извращенія?

Совокупность всѣхъ данныхъ, въ томъ числѣ сообщничество не менѣе двухъ-трехъ лицъ—достаточны, чтобы это предположеніе исключить.

Далѣе слѣдуютъ вопросы, по которымъ согласія между проф. Сикорскимъ съ одной стороны и проф. Бехтеревымъ и Карпинскимъ съ другой—не послѣдовало.

Не заключаютъ ли данныя вскрытія трупа Ющинскаго и судебно-медицинской экспертизы какихъ-либо обстоятельствъ, указывающихъ на цѣли и намѣренія, которыми руководились убійцы Ющинскаго?

Проф. Бехтеревъ началъ съ обширнаго, весьма длительнаго обзора уже приведенныхъ выше данныхъ о ранахъ, преимущественно головныхъ, нанесенныхъ Ющинскому, послѣ чего перешелъ къ вопросу, не было ли у убійцъ цѣли мучительства?

Склоняясь къ мнѣнію, что Ющинскій скоро впалъ въ безсознательное состояніе и находя, что «объективное доказательство такого его состоянія есть непротивленіе и отсутствіе борьбы», проф. Бехтеревъ продолжалъ: можетъ явиться предположеніе, что убійцы не распознали наступленія безсознательнаго состоянія и продолжали бить и тыкать жертву съ цѣлью мучительства, однако, противъ такого предположенія говоритъ то обстоятельство, что отсутствіе обороны со стороны Ющинскаго не могло не быть замѣчено по своей очевидности. Когда человекъ не обороняется—это очевидно для всякаго. Сказать, что тѣмъ не менѣе этого человека, почти бездыханнаго—конечно, я выражаюсь условно—можно еще мучить, это съ нашей психолого-медицинской точки зрѣнія представляется фактомъ, говорящимъ противъ мучительства. Затѣмъ, цѣлямъ мучительства

противорѣчитъ нанесеніе первыхъ раненій въ голову и шею. Эти тяжелыя раненія дѣйствуютъ ошеломляюще, а потому, сами по себѣ, по своему характеру не соотвѣтствуютъ цѣли мучительства. Далѣе, нѣтъ раненій, нанесенныхъ въ особо чувствительныя мѣста, нѣтъ особо мучительныхъ приемовъ вродѣ щипковъ, вырыванія волосъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводу, что цѣли спеціальнаго мучительства у убійцъ не было.

Не было ли цѣли собиранія крови? Несомнѣнно, Ющинскій потерялъ много крови, хотя и не былъ обезкровленъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Количество крови въ сердцѣ, на шпакѣ, потеки крови и помарки, сравнительно говоря, представляются незначительными. Крови не оказалось и на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ трупъ Ющинскаго. Возникаетъ вопросъ, куда же дѣвалась кровь? Она могла или остаться на мѣстѣ убійства, пока не обнаруженномъ, или собираніе крови могло входить въ намѣреніе убійцъ. Однако, противъ этого послѣдняго предположенія мы находимъ слѣдующія данныя: нецѣлесообразенъ выборъ орудія убійства, ибо это орудіе колющее, которымъ трудно вскрывать сосуды. Далѣе, въ сущности, ни одинъ крупный сосудъ не былъ вскрытъ. Группировка раненій не соотвѣтствуетъ анатомическому расположенію доступныхъ сосудовъ. Правда, раненія въ шею оказались невадалекѣ отъ крупныхъ сосудовъ, но тутъ надо принять во вниманіе, что шея—это узкій перешеекъ, такъ что всякій ударъ могъ оказаться здѣсь по сосѣдству съ большими сосудами. Общеизвѣстныхъ приемовъ кровопусканія примѣнено не было. Нанесено довольно значительное число ранъ, мало пригодныхъ для собиранія крови. Все это дѣлаетъ мало вѣроятнымъ предположеніе, что цѣлью нанесенія многихъ колотыхъ ранъ Ющинскому было именно собираніе изъ нихъ крови.

При рѣшеніи вопроса о цѣляхъ убійцъ, необходимо еще обсудить вопросъ, затронутый судебно-медицинской экспертизой, относительно допущенія паузы, т. е. промежутка во времени нанесенія поврежденій, ибо первыя поврежденія были нанесены въ голову и шею, а затѣмъ, предполагается, былъ промежутокъ, послѣ чего слѣдовали раненія, добившія, такъ сказать, мальчика. Вопросъ этотъ, несомнѣнно, трудно разрѣшимый, но мы высказываемъ свою невро-патологическую точку зрѣнія, руководствуясь данными, имѣющимися въ дѣлѣ. Пауза, промежутокъ въ нанесеніи поврежденій, можетъ получить объяс-

неніе въ томъ, что Ющинскій, послѣ первыхъ же раненій въ голову и шею и удушенія отъ зажатія ему носа и рта, а также носоглоточнаго пространства, могъ впасть или впалъ въ безсознательное состояніе, которое могло сопровождаться даже временной приостановкой дыханія. Слѣдовательно, убійцы могли принять это состояніе за наступленіе смерти. Мозговое кровоизліяніе въ теченіе нѣсколькихъ минутъ должно было во всякомъ случаѣ привести къ развитію судорогъ и тогда могла явиться необходимость, въ виду этихъ судорогъ, добить несчастнаго мальчика.

Свидѣтельствуемъ ли характеръ поврежденій, число ихъ и расположеніе на трупѣ Ющинскаго о планомѣрности дѣйствій убійцы?

Нельзя не обратить вниманія на множество ударовъ, числомъ восемь, нанесенныхъ въ область сердца, изъ которыхъ только нѣкоторые попали, а другіе не попали. Это, съ точки зрѣнія психологической, показываетъ, что убійца не находился въ спокойствіи, что онъ былъ въ состояніи аффективности, уже утратилъ въ известной мѣрѣ правильность своихъ дѣйствій. Остановливаясь на этихъ дѣйствіяхъ, мы пришли къ выводу, что убійца, хотя имѣлъ намѣреніе дѣйствовать въ смыслѣ лишенія жизни, но его планомѣрность нарушалась яснымъ образомъ вслѣдствіе его аффективности и психическаго состоянія.

Не имѣется ли въ данныхъ вскрытія и судебно-медицинской экспертизы указаній на принадлежность убійцы къ той или другой профессіи?

Такъ какъ орудіемъ убійства была швайка, то мы высказываемъ предположеніе, что убійца могъ быть съ профессіей, гдѣ швайка находитъ употребленіе, какъ профессиональное орудіе, при работѣ. Конечно, возможно только присутствіе такого лица при убійствѣ—мастероваго съ этимъ орудіемъ, съ швайкой, хотя не исключается и то, что швайка могла оказаться случайно въ обиходѣ убійцы. Медицинскую или фельдшерскую профессію надо въ данномъ случаѣ совершенно устранить. Мы не склонны также признать участія спеціального рѣзника по убою скота потому, что здѣсь не имѣется соотвѣтствующаго орудія, которое ими употребляется.

Представляется ли основаніе по характеру поврежденій, причиненныхъ Ющинскому, судить о національности убійцы?

Такихъ указаній мы не находимъ.

Нанесены ли пораненія Ющинскому свѣдущимъ и чуждымъ волненія во время причиненія таковыхъ лицомъ?

Убійство совершено лицомъ несвѣдующимъ и не чуждымъ волненія. Относящіяся сюда соображенія уже приведены выше.

Могло ли быть совершено убійство Ющинскаго изъ побужденій религіознаго изувѣрства?

Мы должны оговориться, что на этотъ вопросъ можемъ отвѣчать только имѣя въ виду тѣ данныя, тѣ схемы религіозныхъ убійствъ—если можно такъ выразиться—которыя имѣются въ дѣлѣ, которыя даны архимандритомъ Амвросіемъ и о. Пранайтисомъ. Одна намъ прочитана (свидѣтельское показаніе архимандрита Кіево-Печерской Лавры о. Амвросія, оглашенное судомъ за неявкою свидѣтеля), другая находится въ обвинительномъ актѣ (извлеченіе изъ ритуальной экспертизы, произведенной на предварительномъ слѣдствіи ксендзомъ Пранайтисомъ).

Прокуроръ. Я протестую противъ такого приема. Это уже касается ритуальной экспертизы. Проф. Бехтеревъ входитъ въ критику эксперта по ритуальнымъ вопросамъ.

Шмаковъ. Я также протестую, такъ какъ г. экспертъ намѣренъ входитъ въ критику экспертизы, которая еще не вынесла своего заключенія.

Бехтеревъ. Мы только на этомъ основаніи можемъ дать свое заключеніе, иначе мы отказываемся дать отвѣтъ.

Предсѣдатель. Но вѣдь о. Пранайтисъ еще не давалъ своего заключенія.

Бехтеревъ. Тогда отвѣчать на вопросъ мы не можемъ.

Предсѣдатель. Въ такомъ случаѣ, вы намъ отвѣтите послѣ того, какъ будетъ произведена богословская экспертиза. Можетъ быть, вы выскажете намъ сейчасъ ваше заключеніе только на основаніи психологическихъ данныхъ?

Тѣмъ не менѣе, проф. Бехтеревъ, оговорясь, правда, что «критику онъ оставляетъ въ сторонѣ», построилъ все свое заключеніе на несоотвѣтствіи «схемъ» архимандрита Амвросія и ксендза Пранайтиса.

Въ чемъ же усмотрѣлъ это противорѣчіе проф. Бехтеревъ?

Допрошенный въ качествѣ свидѣтеля судебнымъ слѣдователемъ Фененкою, архимандритъ Амвросій показалъ, что вель о ритуальныхъ убійствахъ съ различными лицами, между про-

чимъ съ монашествующими христіанами изъ евреевъ, многочисленныя бесѣды. Вынесъ изъ этихъ бесѣдъ мнѣніе, что кровь, добытая убіеніемъ христіанъ, преимущественно непорочныхъ отроковъ, нужна іудеямъ, въ частности хасидамъ, хотя бы въ самомъ ничтожномъ количествѣ, для приготовленія еврейскихъ опрѣсноковъ—мацы. Если еврею приходится добывать эту кровь при обстоятельствахъ опасныхъ, то никакихъ формальностей не соблюдается; если же актъ совершается въ условіяхъ полной безопасности, то онъ протекаетъ согласно предписанному уже ритуалу: долженъ присутствовать раввинъ, читающій положенныя на этотъ предметъ молитвы, а другіе участники обряда, отворивъ вены и нанеся пораненія, которыя должны хотъ отчасти соотвѣтствовать ранамъ, нанесеннымъ при крестномъ страданіи Господа нашего Іисуса Христа, затѣмъ, не допуская до естественной смерти, при послѣднемъ остаткѣ крови, наносятъ жертвѣ нѣсколько уколовъ въ области сердца, отъ которыхъ несчастный долженъ умереть. Всѣхъ въ такихъ случаяхъ ранъ должно быть опредѣленное число и въ опредѣленныхъ частяхъ тѣла, числомъ приблизительно сорокъ пять. Тѣло христіанина, изъ котораго взята кровь, не можетъ быть такъ уничтожено, чтобы оно исчезло безслѣдно. Лично самъ свидѣтель спеціально этого вопроса не изучалъ.

Изъ данной на предварительномъ слѣдствіи богословской экспертизы ксендза Пранайтиса въ обвинительный актъ занесены, между прочимъ, слѣдующія мѣста: убійство не еврея рекомендуется совершать опредѣленнымъ каббалистическимъ способомъ. Оно должно происходить «при заткнутомъ ртѣ (убиваемаго), какъ у животнаго, которое умираетъ безъ голоса и рѣчи» и притомъ «какъ при убіеніи скота двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать»... Если еврею требуется кровь, то «при добываніи ея онъ не долженъ рѣзать, а можетъ колоть и отщемлять». На основаніи этихъ и многихъ другихъ данныхъ,—о коихъ въ своемъ мѣстѣ,—экспертъ Пранайтисъ, какъ это занесено въ обвинительный актъ, пришелъ къ заключенію, что убійство Ющинскаго, по своей обстановкѣ, способу нанесенія поврежденій, расположенію ихъ, обезкровленію тѣла и времени совершенія его носитъ отличительныя и характерныя черты типичнаго ритуальнаго убійства.

Проф. Бехтеревымъ «несоотвѣтствіе схемъ» усмотрѣно въ слѣдующемъ:

«Число ранъ на тѣлѣ Ющинскаго не совпадаетъ ни со схемой Амвросія, ибо въ общей сложности ихъ около 50 (точнѣе—49, считая въ томъ числѣ и 2 полукруглыхъ ссадины), ни со схемой Пранайтиса, по которой должно быть 13 (12+1). Это число 13 какъ будто соотвѣтствуетъ числу ранъ на правомъ вискѣ Ющинскаго, но нельзя не обратить вниманія, что, при разсматриваніи имѣющейся фотографіи въ небольшую лупу, не трудно на вискѣ усмотрѣть одно раненіе двойное и слѣдовательно находимъ собственно 14 уколовъ. Затѣмъ у Ющинскаго нѣтъ никакихъ раненій на конечностяхъ, тогда какъ по Амвросію должно быть соотвѣтствіе раненій съ мѣстоположеніемъ, какъ у Христа. Не было въ данномъ случаѣ и отворенія венъ, что также требуется по вышеуказанной схемѣ, а орудіемъ убійства служить не ножъ, какъ требуется по схемѣ Пранайтиса. Собираніе крови, какъ уже сказано, представляется намъ недоказаннымъ. Что же, спрашивается, соотвѣтствуетъ въ данномъ случаѣ вышеуказаннымъ схемамъ? Время совершенія убійства, а также и то, что совершено оно надъ мальчикомъ, сопровождалось закрытіемъ рта, одинъ изъ послѣднихъ ударовъ нанесенъ въ сердце, тѣло же не исчезло, а было открыто въ пещерѣ. Но необходимо имѣть въ виду, что всѣ эти условія обычно наблюдаются и при убійствахъ нерелигіознаго характера. Предпраздничное и праздничное время создаетъ болѣе благопріятныя условія для совершенія преступленій вообще и въ частности убійствъ. Нерѣдко закрытіе рта при убійствѣ, обычно находеніе труповъ на чердакахъ, на улицахъ, въ лѣсу и т. п.—эти случаи совпаденія не убѣдительны, а потому и не приводятъ насъ къ выводу, что настоящее преступленіе совершено по побужденіямъ религіознаго изуверства».

Такъ закончилъ свою экспертизу проф. Бехтеревъ. Послѣдняя ея часть воистину изумительная. Съ какой невѣроятной авторитетностью взялся проф. Бехтеревъ за производство «экспертизы надъ экспертизой», за опроверженіе ксендза Пранайтиса въ той спеціальной области, по которой ксендзъ Пранайтисъ, какъ экспертъ, еще не былъ и заслушанъ на судѣ. Ни сіе непреодолимое, казалось бы, препятствіе, ни прямое указаніе предсѣдателя, что о данныхъ ритуальной экспертизы можно говорить лишь послѣ того, какъ она будетъ произведена на судѣ—не остановили проф. Бехтерева. Но сущность его доводовъ еще поразительнѣе той настойчивой поспѣшностью, которой они со-

провождались. «Схема» архимандрита Амвросія, оказывается, не соотвѣтствуетъ дѣлу потому, что въ ней указано 45 ранъ, а у Ющинскаго ихъ «около» пятидесяти. Въ дѣйствительности у Ющинскаго обнаружено 47 ранъ. Именно это число закрѣплено и вердиктомъ присяжныхъ. Присоединять къ 47 ранамъ, умышленно нанесеннымъ швайкой, двѣ ссадины, случайно причиненныя ногтями—въ научной экспертизѣ, разумѣется, не годится. Архимандритъ же Амвросій показываетъ: «ранъ должно быть опредѣленное число... Приблизительно 45». Гдѣ же несоотвѣтствіе? Для того, чтобы оно получилось, проф. Бехтереву понадобилось слово «приблизительно» выбросить и къ 47 умышленно нанесеннымъ ранамъ присчитать двѣ случайныя ссадины—но этотъ пріемъ тоже едва ли можно считать научнымъ. Дальнѣйшее несоотвѣтствіе будто бы въ томъ, что у Ющинскаго «нѣтъ никакихъ раненій въ конечностяхъ», тогда какъ, по Амвросію, они, якобы, должны быть. Однако, опять-таки, несоотвѣтствіе получается только потому, что проф. Бехтеревъ обращается черезчуръ свободно со словами архимандрита Амвросія. Въ показаніи этого свидѣтеля сказано: «пораненія должны хоть отчасти соотвѣтствовать ранамъ, нанесеннымъ при крестныхъ страданіяхъ Господа нашего Иисуса Христа». Изъ въ высшей степени растяжимыхъ словъ «хоть отчасти» проф. Бехтеревъ дѣлаетъ категорическій выводъ, что, слѣдовательно, раны должны быть «на конечностяхъ», но это совершенно произвольное и явно не научное заключеніе проф. Бехтерева, а отнюдь не слова архимандрита Амвросія, который о конечностяхъ рѣшительно ничего не говоритъ. Наконецъ, что касается упоминанія архимандрита Амвросія объ открытіи венъ, то развѣ у Ющинскаго не были открыты шейныя вены, особенно принимая во вниманіе, что выраженіе «открыть вены» архимандритъ Амвросій употребилъ, разумѣется, не въ строго медицинскомъ, а въ простомъ обывательскомъ смыслѣ.

Переходимъ къ Пранайтису. Не говоря ничего объ общемъ числѣ всѣхъ раненій, онъ, по поводу тринадцати ранъ на правомъ вискѣ Андрюши, приводитъ текстъ Каббалы объ убійствѣ нееврея, производящемся «какъ при убіеніи скота двѣнадцатью испытаніями ножа и ножомъ, что составляетъ тринадцать». Смыслъ текста, въ связи съ упоминаемымъ въ немъ словомъ «эхадъ» и символическимъ значеніемъ числа 13, будетъ выясненъ въ отдѣлѣ ритуальной экспертизы, но проф. Бехтеревъ,

прежде всего, заявляетъ, что уколъ на правомъ вискѣ вовсе не 13, а 14 и что даже это не трудно видѣть при разсмотрѣніи имѣющейся фотографіи въ небольшую лупу.

Однако, прозекторъ Туфановъ, специально изслѣдовавшій послѣ второго вскрытія раны на правомъ вискѣ и снявшій съ нихъ именно ту фотографію, на которую была сдѣлана ссылка проф. Бехтеревымъ, вѣроятно, тоже пользовался лупой, однако онъ не увидѣлъ въ нее того, что, по мнѣнію проф. Бехтерева, разсмотрѣть было не трудно: Туфановъ категорически утверждаетъ, что ранъ 13, а не 14 и надо признать, что вопросъ объ ихъ количествѣ всецѣло относится къ области судебной медицины и ни въ малѣйшей степени не касается психологіи или психіатріи. Впрочемъ, проф. Бехтерева постигъ здѣсь нѣкоторый конфузъ и съ другой стороны: онъ заявилъ, что даетъ заключеніе и отъ своего имени, и отъ имени проф. Карпинскаго, между тѣмъ, спрошенный послѣ проф. Бехтерева проф. Карпинскій о числѣ ранъ на правомъ вискѣ заявилъ, что одно раненіе, имѣющее «бисквитообразную форму», можетъ возбуждать споры, но онъ, проф. Карпинскій, здѣсь склоняется къ мнѣнію Туфанова, т. е. находитъ, что ранъ было 13, а кромѣ того признаетъ, что вопросъ этотъ никакого отношенія къ психіатріи не имѣетъ.

Но возвращаемся къ «схемамъ», къ соотвѣтствіямъ и несоотвѣтствіямъ. «Пранайтисъ требуетъ, чтобы орудіемъ убійства былъ ножъ, а раны Ющинскому нанесены не ножомъ»—указываетъ проф. Бехтеревъ. Дѣйствительно, въ приведенномъ выше текстѣ сказано о ножѣ, но тутъ же, черезъ нѣсколько строчекъ обвинительнаго акта, въ томъ же заключеніи Пранайтиса сказано, что если еврею нужна кровь, то онъ не долженъ рѣзать, а можетъ колоть и отщемлять, чѣмъ, очевидно, употребленіе ножа исключается. Если ужъ разбирать, по обвинительному акту, заключеніе Пранайтиса, то разбирать все, а не выхватывать отдѣльныя мѣста. Если останавливаться на упоминаніи о ножѣ, то какъ же обойти молчаніемъ утвержденіе, что, для добыванія крови, нельзя рѣзать, а надо или колоть, или отщемлять.

Это тѣмъ болѣе, что соображенія проф. Бехтерева, отрицающія собраніе у Ющинскаго крови, построены главнымъ образомъ на томъ, что для собранія крови неудобно колоть, а удобно рѣзать—сдѣлать, на примѣръ, кровопусканіе на рукѣ или на ногѣ общеизвѣстнымъ способомъ. Какъ же въ этихъ рассу-

жденіяхъ не задаться, ради научнаго безпристрастія и всесторонности, столь простымъ и очевиднымъ вопросомъ: а если требованія изувѣрнаго характера запрещали рѣзать? Вѣдь обвиненіе-то поставлено не въ чемъ иномъ, а въ изувѣрномъ убійствѣ, и на такое запрещеніе прямо указано.

Не менѣе странное впечатлѣніе производятъ дополнительныя, второстепенныя соображенія проф. Бехтерева.

Въ праздничное и предпраздничное время преступленія совершаются чаще—сообщилъ намъ проф. Бехтеревъ. Что въ праздничные дни бывало больше преступленій, тѣхъ, которыя совершались подъ вліяніемъ опьяненія—спорить не буду, но относительно дней предпраздничныхъ—первый разъ услышалъ это отъ проф. Бехтерева. Андрюша былъ убитъ Великимъ постомъ, въ субботу третьей недѣли, рано утромъ,—при чемъ тутъ разсужденіе проф. Бехтерева объ учащеніи преступности подъ вліяніемъ праздничнаго времени—рѣшительно не понимаю.

«Обычно находеніе труповъ въ крови на чердакахъ, на улицахъ, въ лѣсу и такъ далѣе»—замѣчаетъ мимоходомъ проф. Бехтеревъ. Какое отношеніе къ дѣлу имѣетъ такое замѣчаніе? Указать, что, молъ, обнаруженіе въ пещерѣ трупа Ющинскаго тоже событіе обычное, заурядное, ничего тутъ особеннаго не было? Но въ такомъ случаѣ какъ же экспертъ по психологіи упустилъ фактъ столь огромнаго психологическаго значенія, удостовѣренный даже жидовскими газетами, что, узнавъ о томъ, гдѣ и въ какомъ видѣ обнаруженъ трупъ замученнаго мальчика, сначала Лукьяновка, а потомъ и весь Кіевъ немедленно пришли въ сильнѣйшее возбужденіе и негодованіе. Неужели экспертъ по психологіи не усвоилъ, что здѣсь, очевидно, была какая-то разница по сравненію съ «обычнымъ» находеніемъ труповъ на чердакахъ, на улицахъ и въ лѣсахъ?

Мало убѣдительны соображенія проф. Бехтерева и по такимъ вопросамъ, какъ вѣроятная профессія убійцы, ихъ цѣль, состояніе, въ которомъ они находились. Сказать, что, разъ швайка была орудіемъ убійства, то убійца, можетъ быть, принадлежалъ къ такой профессіи, гдѣ швайка употребляется при работѣ, а можетъ быть и не принадлежалъ—это все равно, что ничего не сказать. Собиранія крови, по мнѣнію проф. Бехтерева, не было и специальной цѣли мучительства тоже не было. Но, вѣдь, какая-то цѣль, несомнѣнно, была. Для чего-то въ теченіе 15 минутъ нанесли 47 ранъ. И вотъ, обсуждая вопросъ со стороны отрицатель-

ной (о томъ, какихъ цѣлей не было), проф. Бехтеревъ, однако, совершенно уклонился отъ стороны положительной (какія же цѣли были), хотя именно здѣсь, казалось бы, должно лежать рѣшеніе вопроса. Роковой «промежутокъ» между первой и второй группой ранъ проф. Бехтеревъ пробуетъ объяснить тѣмъ, что послѣ нанесенія ранъ въ голову и шею убійцы, въ виду безсознательнаго состоянія Ющинскаго, подумали, что онъ уже умеръ, а потомъ, черезъ нѣкоторое время, въ виду появившихся судорогъ, принялись его добивать. Но какъ же объяснить тогда вертикальное положеніе тѣла и при второй группѣ раненій? Почему сначала кололи только въ голову и шею, совсѣмъ не трогая туловища, а потомъ кололи все въ туловище, совсѣмъ не трогая, напримѣръ, шеи? Чтобы какъ-нибудь сгладить эти вопіющія противорѣчія, и объяснить «удары, безцѣльные съ точки зрѣнія убійства» (выраженіе Бехтерева), было выдвинуто утвержденіе, что убійцы находились въ состояніи «аффекта», такого раздраженія, что себя не помнили, собою не владѣли и сами не понимали, что дѣлаютъ.

Однако, и для теоріи объ аффектѣ препятствіе было не малое: убійцы сначала сняли съ мальчика куртку, потомъ отвернули воротъ рубашки и, наконецъ, нанося послѣдніе удары въ туловище, въ сердце, тщательно подымали рубашку и кололи въ голое тѣло.

На эти обстоятельства, въ своихъ вопросахъ Бехтереву, обратилъ вниманіе А. С. Шмаковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если передъ тѣмъ, какъ ударить въ грудь, въ сердце, убійца поднималъ рубашку на жертвѣ, то говорить о томъ, что онъ себя не помнилъ отъ раздраженія, былъ «въ аффектѣ»—явно не приходится. Это, видимо, было очевидно и для проф. Бехтерева, а потому сначала онъ на вопросы Шмакова пробовалъ отвѣчать, что, де, «условія убійства, со всей подробностью и точностью, опредѣлены быть не могутъ», сослался на то, что сорочка была короткая и, наконецъ, сказалъ, что не знаетъ, поднимали ли ее или она сама поднималась.

Сей отвѣтъ послужилъ «Новому Времени» темой для весьма остроумнаго маленькаго фельетона о «самоподнимающейся рубашкѣ». Фельетонъ, повидимому, очень разсердилъ профессора, ибо даже въ своей брошюрѣ: «Убійство Ющинскаго и психіатро-психологическая экспертиза»—онъ объ этомъ фельетонѣ упоминаетъ.

VI.

Заключеніе проф. Сикорскаго.

Профессоръ Сикорскій былъ допрошенъ въ качествѣ эксперта еще на предварительномъ слѣдствіи, 8 мая 1911 года, и уже тогда высказался вполне опредѣленно, что убійство Андрюши Ющинскаго носитъ характерныя, отчетливыя черты типичнаго ритуальнаго убійства. Это рѣшительно выраженное мнѣніе приобрѣтало особенное значеніе въ силу, такъ сказать, мѣстныхъ условій: помимо своихъ ученыхъ заслугъ, признанныхъ не только въ Россіи, но и за границей, профессоръ Сикорскій, именно въ Кіевѣ, пользовался широкою извѣстностью и авторитетомъ не только какъ ученый, но какъ человѣкъ, стяжавшій своими личными качествами глубочайшее уваженіе окружающихъ. Мѣстные люди, кіевляне, хорошо знали, кто такой живущій среди нихъ Иванъ Алексѣевичъ Сикорскій, и вѣрили, что онъ не покривитъ душой, зря говорить не станетъ. Тѣмъ больше злобы было проявлено къ Сикорскому въ еврейскомъ лагерѣ, тѣмъ больше стараній опорочить не только данное имъ заключеніе, но и его самого. Ко времени суда надъ Бейлисомъ здоровье проф. Сикорскаго, человѣка преклонныхъ лѣтъ, было настолько плохо, мучившіе его припадки удушья настолько участились и приняли столь опасную форму, что пользовавшіе больного врачи категорически признали участіе въ судебномъ засѣданіи не только крайне вреднымъ для здоровья Сикорскаго, но даже опаснымъ для его жизни. Тѣмъ не менѣе профессоръ не пожелалъ воспользоваться своимъ законѣйшимъ правомъ неявки въ судъ по болѣзни. Отлично понимая, какой травлѣ онъ подвергнется за свою экспертизу въ захваченной іудеями прессѣ, отдавая себѣ ясный отчетъ, какого утомленія, какого напряженія силъ и затраты нервовъ потребуетъ дача заключенія съ послѣдующимъ перекрестнымъ допросомъ по такому процессу, какъ дѣло Бейлиса, И. А. Сикорскій, съ трудомъ передвигаясь, прибѣгая въ перерывы засѣданія къ помощи подушекъ, наполненныхъ кислородомъ, явился въ судъ, дабы съ тою же твердостью, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, высказать свое убѣжденіе, что убійство Андрюши Ющинскаго есть ритуальное еврейское

преступленіе. Въ ослабленномъ болѣзною тѣлѣ осталась прежняя сила духа и высокое сознаніе долга.

Данное проф. Сикорскимъ заключеніе гласило:

Убійство Андрея Ющинскаго отличается отъ обыкновенныхъ убійствъ, но чрезвычайно сходно съ тѣми болѣе рѣдкими злодѣяніями, которыя извѣстны уже съ отдаленныхъ временъ и которыя были неоднократно наблюдаемы во всѣхъ даже культурныхъ странахъ. Это своеобразныя убійства дѣтей посредствомъ источенія крови при жизни.

Кромѣ своего главнаго признака—обезкровливанія, убійства дѣтей характеризуются еще и нѣкоторыми второстепенными признаками, которые почти столь же существенны, какъ и главный, особенно потому, что ими исключается всякая идея о случайности убійства и устанавливается фактъ опредѣленной преднамѣренности. Эти признаки касаются слѣдующихъ обстоятельствъ:

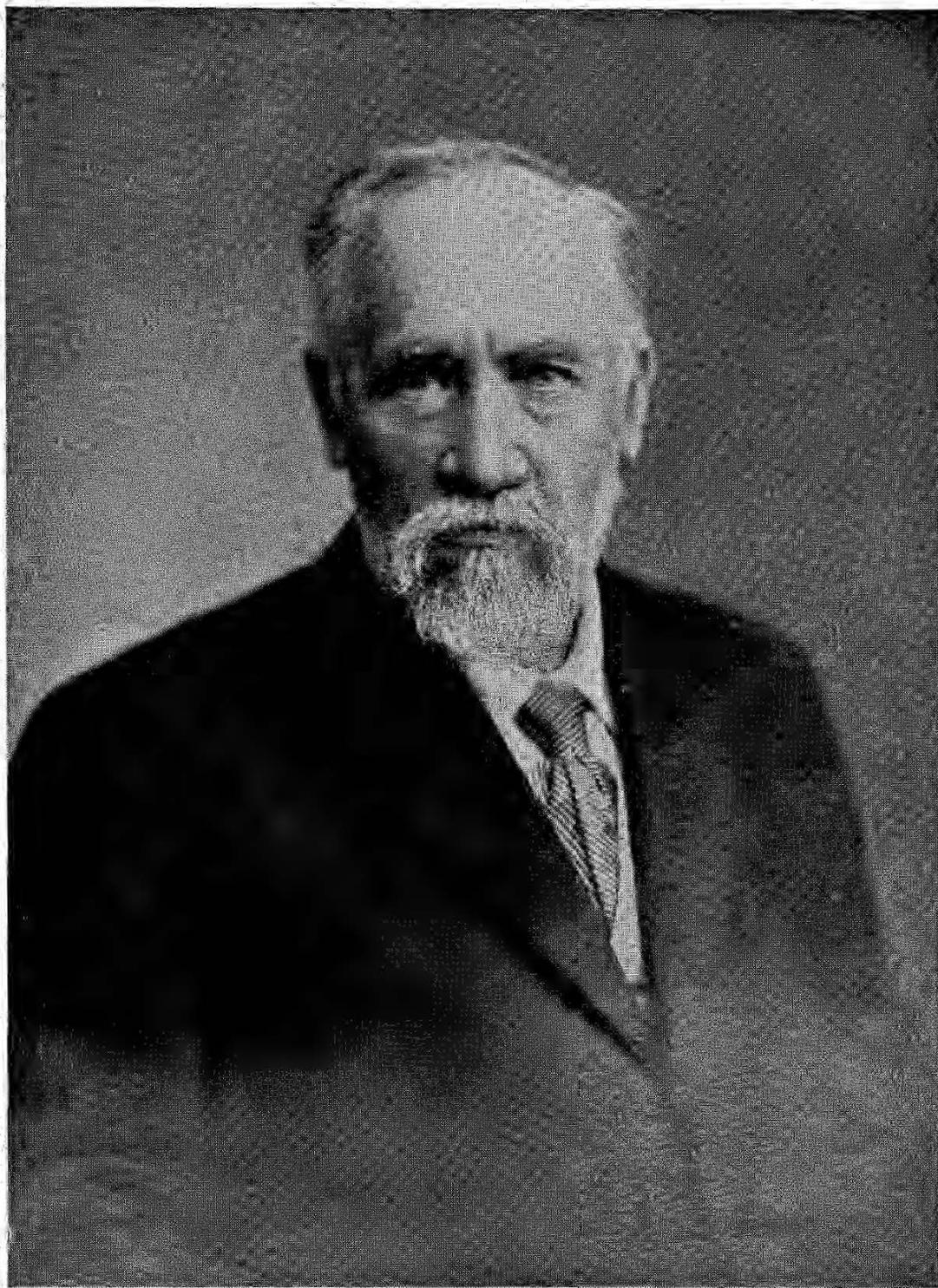
- 1) отсутствія со стороны жертвы поводовъ къ нападенію;
- 2) возраста убиваемыхъ дѣтей;
- 3) способа совершенія кровавой операціи;
- 4) числа убійцъ;
- 5) судьбы тѣла убитаго ребенка;
- 6) времени года и
- 7) единообразія процедуры злодѣянія.

Исчисленные семь пунктовъ требуютъ нѣкоторыхъ поясненій.

По первому пункту можно сказать, что, какъ видно изъ Саратовскаго процесса (о немъ ниже), мальчикъ Канинъ (товарищъ замученнаго евреями 11-ти-лѣтняго Маслова, чуть было не попавшійся въ руки убійцъ также, какъ Масловъ) назвалъ своего соблазнителя сманивателемъ. Сманиватель, бродя по улицѣ, старался завлекать случайно встрѣчаемыхъ на улицѣ дѣтей обманными обѣщаніями.

По второму пункту выяснено, что жертвами обыкновенно избираются мальчики младшаго, а чаще старшаго возраста, т. е. отъ 6 до 13 лѣтъ. Младшія дѣти насильно похищаются, а старшія сманиваются и увлекаются въ засаду.

По третьему пункту—касательно способа убійства—наблюдается, особенно въ послѣднія столѣтія, что жертвѣ наносится извѣстное количество кровоточащихъ, глубоко-проникающихъ вколловъ въ разныя части тѣла и, кромѣ того, поражаются вен-

M. Langemann

ные сосуды, преимущественно въ области шеи. Оба приѣма даютъ медленное, но болѣе или менѣе обильное истеченіе крови.

По четвертому пункту. Убійць всегда бываетъ нѣсколько человекъ: одинъ оперируетъ, другіе поддерживаютъ жертву, зажимаютъ ротъ... Въ убійствѣ Ющинскаго участвовало, вѣроятно, не меньше четырехъ, потому что Ющинскій былъ обезкровливаемъ, повидимому, въ стоячемъ положеніи и ему также зажимали ротъ.

По пятому пункту. Трупъ убитаго, блѣдный и обезкровленный, уносится съ мѣста убійства и оставляется покинутымъ, но не зарытымъ въ землю.

По шестому пункту весьма существенно замѣтить, что убійства не распредѣляются безразлично и равномерно въ теченіе года, но всего чаще приурочены къ весеннему времени,—марту, апрѣлю.

По седьмому пункту. Убійство дѣтей и добыча крови производятся съ такимъ замѣтнымъ единообразіемъ въ разныхъ мѣстностяхъ и странахъ, что наблюдателямъ невольно приходила мысль о томъ, что злодѣяніе совершается по какому-либо предписанію или инструкціи, или же на основаніи живой традиціи, то есть убійца раньше уже убивалъ или присутствовалъ при убійствѣ.

Объ убійствѣ Ющинскаго можно сказать, что оно сосредоточиваетъ въ себѣ многіе признаки, содержащіеся раздѣльно въ другихъ случаяхъ дѣтскихъ убійствъ, и можетъ быть названо какъ бы моделью для такого рода злодѣяній. Оттого осмотръ препаратовъ вскрытія Ющинскаго производитъ впечатлѣніе потрясающей реальности. Тому, кто не вѣритъ факту такихъ убійствъ, или сомнѣвается, достаточно взглянуть на свѣтъ въ черепъ Ющинскаго. Очевидность здѣсь поражаетъ чувства. Это не миѳъ среднихъ вѣковъ, это страшная дѣйствительность XX столѣтія.

Кто совершаетъ убійства дѣтей?

Можно съ положительностью сказать, что убійства съ истеченіемъ крови совершаются преступными и изувѣрными, однако же вполне здоровыми въ психическомъ отношеніи, людьми. Мысль, возникшая было въ Кіевѣ въ первые дни послѣ находки трупа Ющинскаго, о томъ, будто убійство могло быть совершено душевно-больными, такая мысль не выдерживаетъ критики. Самое объединеніе ихъ для одного общаго дѣла невозможно по

различію у нихъ бреда, стремленій и наклонностей. Столь же .безосновательно и беспочвенно предположеніе о томъ, что убійцами Ющинскаго могли быть субъекты съ половыми извращеніями и аномаліями и что эти аномаліи послужили мотивомъ убійства,—вскрытіе тѣла убитаго мальчика не даетъ ни основанія, ни поводовъ для такихъ предположеній.

Хотя насилія, учиняемая половыми психопатами, и дѣтскія убійства типа Ющинскаго имѣютъ нѣчто общее, а именно, пролитіе крови и проявленіе жестокости, но они существенно различаются, какъ показываетъ сопоставленіе ихъ, а именно:

1) цѣль полового психопата видѣть кровь и получить отъ того чувственное удовольствіе и удовлетвореніе, но не убивать человѣка (убійство большею частью можетъ быть случайнымъ, выйти отъ нетвердости движеній); цѣль дѣтскаго убійцы — добыть кровь, собрать ея возможно больше и унести съ собою, убивъ обезкровленную жертву;

2) половой психопатъ большею частью дѣйствуетъ въ одиночку, ибо ищетъ личнаго удовлетворенія; дѣтскіе убійцы дѣйствуютъ всегда въ сообществѣ и для общей цѣли. Иногда и половые психопаты бывають также вмѣстѣ, ходять стаями, подобно псамъ, но каждый изъ нихъ занятъ своимъ дѣломъ и для себя, и

3) половой психопатъ — субъектъ безхарактерный, лишенный воли, дерзкій, капризный, но убійца дѣтей твердъ, рѣшителенъ, спокоенъ (судя по твердости его руки, совершающей обезкровливаніе и убійство).

Такимъ образомъ, оба вида насилія разнятся по существу, по своей цѣли и по своему концу. Можно съ положительностью утверждать, что убійство Ющинскаго совершено не умалишенными, не дегенератами, не половыми психопатами, но людьми психически здоровыми, которые въ своихъ дѣйствіяхъ проявили расчетъ и холодность здраваго ума.

Кто виновники убійствъ типа Ющинскаго?

Здѣсь представляются большія трудности для отвѣта по причинѣ существующей всегда обширной и тонкой конспираціи, которою обставлено убійство; обыкновенно находятъ убитаго съ указанными выше признаками, а убійцы не открываются. Однако же, весьма часто вслѣдъ за убійствомъ выступаетъ невѣдомая бдительная рука, которая направляетъ слѣдователя на ложный путь. Такъ было и въ дѣлѣ Ющинскаго. Это указываетъ на